КАК ЭТО БЫЛО
ДНЕВНИК А. И. ШИНГАРЕВА
Петропавловская Крепость 1917-18

КАКЪ ЭТО БЫЛО

ДНЕВНИКЪ

А. И. ШИНГАРЕВА

Петропавловская крѣпость,
27. XI. 17.—5. I. 18.

Изданіе Комитета по увѣковѣченію памяти
Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева

МОСКВА
1918

Reprinted by STRATHCONA PUBLISHING CO.
Box 350, Royal Oak, Mi. 48068 USA

Комитетъ по увѣковѣченію памяти Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева счелъ своимъ долгомъ въ первую очередь придать гласности дневникъ Андрея Ивановича Шингарева, написанный имъ во время пребыванія его въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости. Дневникъ этотъ обрывается 5-го января, а 6-го Андрей Ивановичъ былъ переведенъ въ Маріинскую больницу, гдѣ въ ночь на 7-е января былъ убитъ ворвавшимися въ больницу матросами и красногвардейцами.

Событія, имѣвшія мѣсто послѣ 5-го января, когда прерывается запись Андрея Ивановича, изложены сестрой покойнаго Александрой Ивановной Шингаревой. Это изложеніе приводится, какъ продолженіе дневника и завершаетъ собой повѣствованіе о томъ, „Какъ это было".

Записи Андрея Ивановича были сдѣланы на блокнотѣ, первая страничка котораго воспроизводится на обложкѣ этого изданія. Текстъ, написанный рукой Андрея Ивановича, сохраненъ въ полной неприкосновенности, печатается безъ всякихъ измѣненій и лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, обозначенныхъ многоточіемъ, опущено нѣсколько словъ имѣющихъ чисто личный характеръ. Въ подстраничныхъ сноскахъ дѣлаются поясненія имѣющихся въ текстѣ сокращеній.

Какъ это было.

Петропавловская крѣпость, Трубецкой бастіонъ, камера № 70.

27 ноября.

Утромъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Н. И. Астровымъ изъ Москвы. И дома, въ Воронежѣ, и въ Москвѣ всѣ отсовѣтовали ѣхать въ Петроградъ, такъ какъ большевики, навѣрное, меня арестуютъ. Мнѣ самому казалось, что это должно случиться, но я и въ Ц. К.[1] и всѣмъ остальнымъ говорилъ: „Я долженъ ѣхать. Бываютъ моменты, когда личная безопасность политическаго дѣятеля должна отступить передъ его общественнымъ долгомъ. На 28-ое назначено открытіе Учредительнаго Собранія. Я и другіе, избранные въ члены собранія, должны быть въ назначенное время на мѣстѣ". —Поѣхалъ и, хотя приходится писать теперь сидя въ казематѣ неизвѣстно за что, все же не раскаиваюсь. Пусть населеніе знаетъ, кто срываетъ Учредительное Собраніе, кто насилуетъ свободу народа. Изъ нашего задержанія должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознаніе.

Арестъ случился все же при неожиданныхъ обстоятельствахъ. Вечеромъ у С. В. П.[2] было засѣданіе Ц. К., гдѣ мнѣ за отсутствіемъ всѣхъ другихъ пришлось предсѣдательствовать. Кромѣ моего краткаго сообщенія о поѣздкѣ на выборы въ Воронежъ, обсуждался порядокъ завтрашняго дня и возможность открытія Учредительнаго Собранія. Уже послѣ того, какъ

---

[1] Центральный Комитетъ партіи Народной Свободы.

[2] Гр. С. В. Паниной.

разошлись члены Ц. К., изъ засѣданія Городской Думы пришелъ Оболенскій, сообщивъ о предположенной манифестаціи, привѣтствіи Г. Думы и т. д.

Ц. К. рѣшилъ, такъ какъ число съѣхавшихся членовъ такъ мало, что открытіе собранія, какъ Учредительнаго, правомочнаго,—не допустимо. Но недопустимо и подчиненіе указу Ленина. Рѣшено предложить объявить совѣщаніе, избрать временнаго предсѣдателя, собираться каждый день, пока съѣдется достаточно народа и тогда, установивъ кворумъ, самостоятельно открыть Собраніе. Въ манифестаціи участвовать хотѣли всѣ. Обсуждали, кто, гдѣ и когда прочтетъ въ Учредительномъ Собраніи заявленіе Временнаго Правительства, какъ оставшагося на свободѣ такъ и сидящаго въ крѣпости.

Предполагалъ я, что въ Таврическій войти не дадутъ и не удастся манифестація, но уже никакъ не думалъ, что самъ я не попаду въ нее и ничего не увижу. Уходить домой было поздно, все равно завтра надо было идти къ Таврическому, да и казалось, что у Паниной безопаснѣе. На домъ могутъ опять придти.

Оказалось какъ разъ наоборотъ. Съ дороги я усталъ, плохо спалъ уже нѣсколько ночей, а потому съ радостью воспользовался любезностью А. М. Петрункевичъ переночевать у С. В. Заснулъ какъ убитый и въ $7^1/_2$ ч. былъ разбуженъ голосомъ Н. А.[1], которая говорила—„Вставайте, пришли съ обыскомъ".

28 ноября.

Такъ начался для меня день великаго праздника Русской земли, день созыва Учредительнаго Собранія.

Скоро красногвардеецъ и солдатъ вошли съ ружьями въ комнату, спросили мою фамилію, документы...

А вы кто такіе? И гдѣ ваши документы? въ свою очередь потребовалъ я.

— Мы по ордеру Военно-революціоннаго комитета. Съ

---

[1] Н. А. Зурова.

нами самъ комиссаръ. Черезъ нѣкоторое время, уже арестовавъ Панину, явился и самъ „комиссаръ“ г. Гордонъ—бритый, съ типично охраннической физіономіей и съ такой же непринужденностью развязныхъ и слащавыхъ манеръ.

— Будьте добры подождать здѣсь. Я поѣду получить инструкціи относительно васъ.

Онъ пріѣхалъ часа черезъ полтора. Инструкціи были коротки. Предписывалось у меня произвести обыскъ и поступить сообразно съ его результатами. Такъ какъ никакихъ вещей у меня не было, то и обыска не производилось, а за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ „результатовъ“ г. Гордонъ объявилъ меня арестованнымъ.

Пришлось подчиниться силѣ, и я отправился. Уже разсвѣло, въ автомобилѣ на улицѣ я нашелъ Ф. Ф. Кокошкина и его жену, которые тоже остановились у С. В. Паниной и, такъ же какъ и я, были обысканы и задержаны безъ какого-либо повода.

По дорогѣ въ Смольный большевистскій жандармъ тономъ заправскаго жандарма цинично и лицемѣрно выражалъ сожалѣніе, что ему приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Подумайте, я арестую своего учителя Федора Федоровича Кокошкина. Какую прекрасную книгу вы написали, — говорилъ онъ съ ужимками и покачиваніемъ головы.—А все потому, что не хотите вы признать власть народныхъ комиссаровъ. Вотъ и г. Шингаревъ не хочетъ съ нами работать по финансамъ.— Гордонъ слащаво улыбался, кривлялся и былъ противенъ до нельзя. Ф. Ф. и особенно Марія Филипповна принялись его стыдить, доказывали, что онъ, какъ и прежніе охранники, служитъ насилію, что его собственныя дѣти будутъ стыдиться поступковъ отца и пр. Ленинскій охранникъ, съ неизмѣнно слащавой улыбкой возражалъ, что дѣлаетъ это ради блага страны.—А можетъ быть, дѣти и не поймутъ меня.—Подумайте, продолжалъ онъ кривляться, какихъ людей я арестовалъ.—Я молчалъ. Было противно говорить съ такимъ, съ позволенія сказать, гражданиномъ, видимо, находившимъ особое удовольствіе смаковать свою гнусную роль.

Въ Смольномъ мы застали С. В. Панину. Я ей очень обрадовался; такъ какъ раньше думалъ, что уже не увижу ее. Вскорѣ стали къ ней приходить сотрудники „Народнаго·Дома“, принесли пироги, сыръ, колбасу. Этими продуктами питались мы весь день. Наши тюремщики и не подумали намъ ничего дать поѣсть.

Цѣлый день заходили къ намъ много посѣтителей, выражая то сочувствіе, то негодованіе новымъ „ленинскимъ“ жандармамъ. Въ 4 часа пришла Саша и Юрій. Такъ какъ мы всѣ были вмѣстѣ, намъ было весело и въ компаніи съ приходящими образовывались даже шумные митинги. Мы довольно непринужденно и громко бесѣдовали, чѣмъ, повидимому, шокировали „дѣловую“ атмосферу большевистской канцеляріи. Мы были приведены въ комнату № 56, гдѣ помѣщалась канцелярія какой-то слѣдственной комиссіи, сюда вводили арестованныхъ, приходили родственники просить пропуска къ заключеннымъ, являлись вызванные для показанія свидѣтели. Въ одномъ углу какой-то „чиновникъ“ подбиралъ взятые, очевидно, при обыскѣ клочки разорваннаго письма, стараясь составить полный текстъ; у окна работалъ на машинкѣ военный писарь, изготовляя ордера о новыхъ арестахъ; у другого столика барышня писала какія-то бумаги.

Точно ради курьеза сюда же привели своеобразную пару арестованныхъ: какую-то женщину бѣженку и солдата съ ведромъ и помазками. Съ ними были взяты „вещественныя доказательства“ преступленія: цѣлый пукъ воззваній Продовольственнаго Отдѣла Управы о насиліяхъ большевиковъ. Женщина горевала, что у нея остался дома одинъ ребенокъ, а солдатъ въ смиренной и грустной позѣ стоялъ, прислонившись къ стѣнкѣ. Ихъ держали до самаго вечера, они устали, были голодны и если бы мы не дали имъ поѣсть, они не ѣли бы цѣлый день.

Когда пришли нѣкоторые с.-р. гласные (изъ нихъ помню одного Луцкаго), я обратилъ ихъ вниманіе на грустную пару „преступниковъ“, расклеивавшихъ „прокламаціи“; наняты они были за 6 руб. въ день,—хотѣли заработать, да вотъ красногвардейцы арестовали—говорила женщина.

Луцкій возмутился, поймалъ одного изъ членовъ слѣдственной комиссіи, кудлатаго матроса Алексѣевскаго, и тотъ, съ ироничеcкой улыбкой быстро разобралъ „дѣло“ и освободилъ арестованныхъ. Женщина взяла ведерко съ клейстеромъ, солдатъ смущенно перекрестился, и поклонившись намъ, они ушли.

У входныхъ дверей часто смѣнялись часовые — красногвардейцы. Не мало ихъ входило въ комнату, шушукались и съ любопытствомъ разглядывали насъ. Прибѣжалъ Предсѣдатель Комитета Общественной Безопасности Урушадзе. Само названіе учрежденія, которое они представляютъ, звучитъ революціонно, но по существу оно безсильно что-либо сдѣлать. Урушадзе добился лишь того, что бы насъ допросили въ тотъ же день. Какой-то капитанъ Медвѣдевъ явился, какъ служащій слѣдственной комиссіи. Оказалось, что онъ не большевикъ, а лѣвый с.-р.; Кокошкинъ сталъ его стыдить.

— Разъ служишь въ этомъ учрежденіи, надо исполнять приказаніе власти, которую признаешь, — отвѣтилъ онъ смущенно.

Тоже говорили въ былое время и совѣстливые жандармы царизма.

Подъ вечеръ была приведена партія какихъ-то простыхъ людей, взятая за пьянство, и вскорѣ же отпущена. Мы сидѣли, сидѣли цѣлые часы. Посѣтителей къ намъ допускать перестали, и на этой почвѣ произошла даже перебранка между офицеромъ съ Георгіемъ и членомъ Ц. И. Комитета. Офицеръ, явившійся, видимо, уполномоченнымъ наблюдать за порядкомъ, просилъ оставить насъ, членъ Ц. И. К. рѣзко закричалъ ему въ отвѣтъ — Я прошу васъ убираться отсюда.—Видимо, этотъ инцидентъ повліялъ на дальнѣйшее отношеніе къ нашей относительной свободѣ.

Скоро С. В. Панину позвали къ допросу. Допрашивалъ ее присяжный повѣренный Красиковъ, самъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи. Дѣло шло о 92 тысячахъ, которыя по Министерству Народнаго Просвѣщенія Панина не передала Народному Комиссару. Ее привлекаютъ по суду за „сокрытіе“ казенныхъ суммъ. Она же желаетъ передать деньги

Учредительному Собранію и законному Правительству. Ее привлекли къ суду и арестовали по требованію Луначарскаго. Мы же, случайно оказавшіеся въ ея домѣ во время обыска, были взяты сначала просто, благодаря желанію г. Гордона отличиться. Въ домѣ Паниной послѣ нашего ареста была устроена засада совсѣмъ какъ при старомъ строѣ жандармами. И такимъ образомъ еще были арестованы князь П. Д. Долгоруковъ и инженеръ Константиновъ, который, какъ товарищъ министра Путей Сообщенія, зашелъ къ С. В. Паниной въ 12 часовъ дня, чтобы идти въ Таврическій дворецъ на манифестацію.

Послѣ допроса Паниной позвали меня. Красиковъ спрашивалъ объ отношеніяхъ к.-д. къ казачеству и пр. Я отвѣчалъ односложно и далъ утвердительный отвѣтъ только на вопросъ — членъ ли я Ц. К. кадетской партіи. Обо всемъ остальномъ ограничивался указаніемъ—Не знаю. Когда онъ спросилъ, членъ ли я Комитета Спасенія, я сказалъ—нѣтъ. И кромѣ того, я желалъ бы знать, кто вы такой, и почему вы допрашиваете меня? онъ что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и заявилъ, что иммунитетъ членовъ Учредительнаго Собранія—вопросъ спорный, да кромѣ того, ему офиціально и неизвѣстно, что мы члены Учредительнаго Собранія.

Послѣ меня Кокошкинъ отказался отвѣчать и показалъ свое удостовѣреніе. Но и документъ нисколько не смутилъ „предсѣдателя“. Случайно захваченные во время обыска у Паниной мы послужили для новыхъ деспотовъ лишь предлогомъ начать борьбу съ Учредительнымъ Собраніемъ.

Допросъ Долгорукова и Константинова былъ очень коротокъ. Константинова вскорѣ освободили и даже извинились (вѣроятно узнавъ, что онъ не кадетъ), а насъ задержали и дѣло пошло въ высшую инстанцію. Нами заинтересовались „сами“ Народные Комиссары. Константиновъ рѣшилъ ждать объявленія нашей участи. По возвращеніи съ допроса я уже не засталъ ни Паниной, которую уже отправили въ Кресты, ни Кокошкиной—она была удалена, несмотря на ея протесты и требованія арестовать вмѣстѣ съ мужемъ. Комиссары обсуждали наше „дѣло“ довольно

долго. Кто-то намъ передавалъ, что идутъ споры. Уже не знаю, какъ и по какому поводу спорили „властители" соціалистической революціи, но ихъ рѣшеніе можетъ поспорить съ Шемякинымъ судомъ. Безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, безъ слѣдствія, допроса свидѣтелей и пр. мы, какъ члены партіи к.-д. какъ и вся партія, были объявлены врагами народа, подлежащими суду революціоннаго трибунала. „Декретъ" объ этомъ былъ прочтенъ намъ около 12 часовъ ночи. Мы ждали этого документа довольно долго. Уже къ намъ никого не подпускали, передъ нами выстроили шеренгу красногвардейцевъ (все мальчики лѣтъ по 18), съ ружьями охраняли насъ, какъ самыхъ опасныхъ преступниковъ.

Хорошее „счастье" шататься всю ночь по обыскамъ и охранять арестованныхъ подарилъ Ленинъ своимъ послѣдователямъ рабочимъ. Служить орудіями насилія и угнетенія — какая почетная роль для представителей „революціонной демократіи". Впрочемъ, одни это дѣлаютъ дѣйствительно „по убѣжденію", а другіе просто за 30 сребренниковъ въ день. Въ виду растущей безработицы этотъ видъ заработка со стороны „государства" можетъ оказаться хорошимъ средствомъ помощи. Интересно только, будутъ ли Ленинскіе охранники устраивать стачки, борясь за повышеніе заработной платы и 8-мичасовой рабочій день. Теперь имъ много приходится „работать" и днемъ и ночью. Говорятъ, вчера было подписано триста ордеровъ на обыски.

Около часа ночи насъ передали караулу солдатъ латышскаго полка. Долго держали внизу, въ коридорѣ на сквознякѣ и повезли въ автомобиляхъ въ Петропавловку. Около половины второго мы были въ крѣпости и долго стояли на морозѣ, ожидая, когда и куда насъ засадятъ. Долгоруковъ и Кокошкинъ принялись объяснять солдатамъ, какое преступленіе они дѣлаютъ, лишая свободы членовъ Учредительнаго Собранія. Солдаты молчали, одинъ изъ нихъ сказалъ—„Да мы что, мы лишь исполнители приказанія".—Такъ говорили и при царѣ,—сказалъ Кокошкинъ. Развѣ можно исполнять незаконныя приказанія.—„Вы—все!"—сказалъ

я солдатамъ, „потому что только вами они и держатся. Безъ вашей вооруженной силы они — никто“.

Было холодно и темно. Морозъ пощипывалъ ноги, говорили, что сразу ударило 12 градусовъ. Всѣ озябли, пошли въ караульное помѣщеніе погрѣться. — Какую бы вы рѣчь сказали въ Учредительномъ Собраніи? — спросилъ меня шутливо Долгоруковъ. „Я сказалъ бы рѣчь о томъ, какъ русская революція сама себя убиваетъ“ — отвѣтилъ я.

Только около половины третьяго часа ночи послѣ курьезнаго „пріема“ новыхъ арестантовъ комендантомъ крѣпости, усиленно показывавшимъ свои документы нашимъ конвоирамъ, чтобы подтвердить свое званіе, мы были отведены въ Трубецкой бастіонъ и разведены по одиночнымъ камерамъ. Желѣзная дверь захлопнулась за мной, и я остался одинъ, усталый отъ всего происшедшаго, охваченный отвращеніемъ передъ новыми гасителями недавней русской свободы.

Холодно, грустно. Въ сводчатой комнатѣ гулко раздаются шаги. Надо спать свою первую ночь въ тюрьмѣ.

29 ноября.

Около 9-ти часовъ утра еще совсѣмъ темно. Окно вверху камеры снаружи загорожено отъ свѣта еще какой-то стѣной и освѣщаетъ совсѣмъ плохо.

Лязгъ ключа и отворяемой двери заставилъ меня подняться съ койки. Принесли чайникъ съ горячей водой. Надо вставать.

Хорошо, что добрая А. М. Петрункевичъ дала мнѣ наспѣхъ передъ арестомъ маленькую подушечку и одѣяло. Иначе было бы очень холодно и неудобно спать. Камера холодная. Небольшой кусокъ печи во внутреннемъ углу плохо нагрѣваетъ воздухъ. Стѣны и особенно полъ, крашенный, асфальтовый, очень холодный. Послѣ вчерашняго переѣзда у меня насморкъ, и я охрипъ. Кое-какіе припасы дали мнѣ возможность напиться чаю. Казенный хлѣбъ получилъ только къ обѣду. Трудно чѣмъ-нибудь заниматься—темно. Читать можно съ трудомъ—скоро устаютъ глаза. Писать также трудно. Жду, пока посвѣтлѣетъ, и отъ нечего дѣлать хо-

жу изъ угла въ уголъ, изучая камеру. Она прямоугольная и очень похожа на большой сундукъ съ круглой крышкой. Такъ дѣлали въ старину. Шесть шаговъ въ ширину, одиннадцать въ длину. Высота около пяти аршинъ посреди цилиндрически-сводчатаго потолка, постепенно опускающагося къ боковымъ стѣнкамъ. Потолокъ побѣленъ, стѣны съ голубоватой побѣлкой, а на уровнѣ трехъ аршинъ отъ пола обведены голубой узкой каймой— единственное украшеніе. Въ одномъ изъ короткихъ простѣнковъ на высотѣ трехъ съ четвертью аршинъ окно съ двойной желѣзной рамой, въ которую вставлены въ три ряда по пяти небольшихъ стеколъ. Верхній край рамъ скругленъ параллельно потолку. Снаружи, кромѣ двойныхъ желѣзныхъ рамъ, окно закрыто желѣзной проволочной сѣткой, съ ячеями около 1 кв. вершка. Стѣна толщиною въ аршинъ. Между наружной сѣткой и двумя желѣзными рамами еще вдѣланная въ стѣны кованная желѣзная рѣшетка. Оконная ниша глубока, четыре ряда желѣзныхъ переплетовъ отнимаютъ много свѣта, да, кромѣ того, снаружи передъ окномъ вышиною на уровнѣ, вѣроятно, нашей крыши (второй этажъ) тянется какая-то стѣна, застилая послѣднюю возможность хорошаго освѣщенія. Надъ нею виденъ клочекъ сѣраго хмураго неба. Въ камерахъ перваго этажа, вѣроятно, совсѣмъ темно. Да и здѣсь, въ моей комнатѣ постоянный полумракъ. Къ тому же петроградскій ноябрь не свѣтелъ вообще.

Въ противоположномъ окну короткомъ простѣнкѣ желѣзная или обитая желѣзомъ, выкрашенная темной охрой небольшая одностворчатая дверь съ узкимъ прорѣзомъ-глазкомъ въ верхней трети. Глазокъ открывается снаружи, когда часовой хочетъ заглянуть въ камеру. Изнутри онъ закрытъ маленькими стеклышками; этой щелью для надзора часовыхъ они пользуются рѣдко. Подъ щелью въ толстой двери есть еще какое-то отверстіе (окошечко?), плотно закрытое четыреугольными створками. Въ лѣвомъ углу отъ двери—теплый уголъ—видимо зеркало печи, но оно ничѣмъ не выдается внутрь камеры и совершенно закрыто штукатуркой. Здѣсь же на высотѣ трехъ аршинъ маленькое отверстіе вентиляціоннаго хода, закрытое черной рѣшеткой. Въ правомъ углу—

стульчакъ водяного клозета, а между нимъ и дверью—кранъ водопровода съ маленькой раковиной, надъ нимъ крошечная ниша въ стѣнѣ для мыла, посреди комнаты изголовьемъ къ лѣвой стѣнѣ (если смотрѣть отъ двери)—кровать. Ея ножки вдѣланы въ полъ, ея спинка на половину углублена въ штукатурку. Кровать массивная, желѣзная, обычнаго госпитальнаго типа. Небольшая подушка—грубая. Матрасецъ, набитый соломой, плоскій и твердый, плохенькая простыня, плохое одѣяльце и полотенце.—Таковъ казенный инвентарь въ моей клѣткѣ. Подлѣ кровати желѣзный, на кронштейнѣ, вдѣланный въ стѣну столъ и на немъ все мое хозяйство: хлѣбъ, чайникъ съ горячей водой, солонка—тоже казенная. Здѣсь же лежатъ мои книжки, бумага... Никакой другой мебели нѣтъ. Нѣтъ даже табурета и кровать служитъ вмѣсто него.

По стѣнамъ, кое-гдѣ карандашныя надписи и надписи совсѣмъ недавняго происхожденія. Надъ изголовьемъ кровати расписался „Вл. Войтинскій"—кажется недавній комиссаръ Временнаго Правительства на какомъ-то изъ фронтовъ.—Его, очевидно, какъ оборонца, заперли сюда пораженцы. Въ правомъ углу у окна подписи 12 юнкеровъ, заключенныхъ сюда вначалѣ ноября. Я различаю въ полутьмѣ фамиліи Анухина, Ухова, Вистберга, Савенко, Зинчаса, Евстифѣева, Задарновскаго. Другихъ разобрать не могу. Сбоку на стѣнѣ въ углу нарисованъ маленькій календарь-дневникъ, обрывающійся 6-го ноября.

Вотъ и все. Дальнѣйшее изученіе камеры ничего не прибавляетъ. Надо устраиваться и привыкать. Хорошо, что я захватилъ книжку Лихтенберже о французской революціи, и Юра принесъ мнѣ еще въ Смольный итальянскую грамматику. Можно будетъ легче проводить время. Однако, заниматься въ потемкахъ трудновато. Глаза устаютъ. Плохо идутъ въ голову звучныя итальянскія слова.

У Лихтенберже неожиданно нахожу интересную справку. Въ кружкѣ Bouche de fer одинъ изъ жирондистовъ, аббатъ Фуше, свои соціалистическіе идеалы однажды формулировалъ

словами: — „Все для народа, все посредствомъ народа, все народу“. Вотъ откуда наши народные соціалисты взяли свой лозунгъ. Заимствованіе имѣетъ почтенную дату февраля 1791 г. Оно ново у насъ потому, что хорошо забыто во Франціи.

Передъ обѣдомъ первая прогулка на 15 мин. Впрочемъ, мнѣ показалось, что прошло всего 2—3 минуты. Въ небольшомъ пятиугольномъ дворикѣ все-же можно дышать свѣжимъ воздухомъ и любоваться солнечнымъ днемъ. Морозно, снѣгъ поскрипываетъ подъ ногами, голубое ясное небо. Сѣрая пелена утренней мглы точно сдернута. Солнце выглядываетъ изъ-за стѣнъ каземата. Хорошо! Надо уходить. Завтра попробую измѣрить дворикъ шагами...

Какой-то унтеръ-офицеръ принесъ газету „Новая жизнь“. Увы, стереотипная печать такъ плоха, что все расплывается, и въ камерѣ читать невозможно, хотя день еще ясный.

Около часа дня дали обѣдъ. Я не хочу пользоваться офицерскимъ столомъ и думаю испробовать ѣду изъ общаго котла. Офицерскій обѣдъ стоитъ 2 р. 50 к. Я хочу знать, какъ питаются тѣ, кто не имѣетъ денегъ для оплаты „привилегированнаго“ стола. Обѣдъ изъ супа, съ небольшими кусочками мяса, 2 ложки гречневой каши и $^1/_2$ хлѣба—это все. 2 раза даютъ кипятокъ и къ чаю на день четыре куска сахара. Около 7 час. вечера ужинъ изъ одного пустого супа. Таковъ казенный паекъ. Для взрослаго человѣка, даже не рабочаго, онъ явно недостаточенъ. На немъ одномъ будетъ голодно.

Совершенно темнѣетъ и заниматься немыслимо. Это самые тоскливые часы. Караульный сказалъ, что раньше 6 часовъ электричество не горитъ. За то горитъ всю ночь.

Попробую ходить изъ угла въ уголъ, чтобы не сидѣть на кровати.

Холодный асфальтовый полъ, выкрашенный масляной краской, очень не ровенъ. Одиннадцать шаговъ впередъ и назадъ... Долго продолжать такую прогулку было бы скучно, а свѣчей еще у меня нѣтъ. Приходится ждать свѣта.

Но въ это самое время А. С. пришла на свиданіе... Я былъ

радъ услышать голосъ съ воли, а еще больше радъ былъ тому, что идя въ контору на свиданіе въ коридорѣ встрѣтилъ Н. М. Кишкина, а затѣмъ и Бернацкаго. Возвращаясь въ свою клѣтку, увидѣлъ и Терещенко. Всѣ они бодры и здоровы.

Еще часъ сидѣнья во тьмѣ и новый перерывъ. Пришла на свиданіе Шура. Я могъ передать ей нѣсколько порученій о книжкахъ, бѣльѣ, свѣчкѣ и проч. Бѣдняжка, она принуждена ѣздить въ Смольный и у Козловскаго (Боже!) просить разрѣшеніе на свиданіе. Для меня это было бы мученіемъ...

Наконецъ-то зажглось электричество. Можно взять въ руки газеты и хотя-бы перечитать описаніе перваго дня занятій Учредительнаго Собранія. Какъ красочны и въ то же время ужасны эти сцены большевистскаго вандализма и безсилія „всенародныхъ представителей".

Латышскіе стрѣлки, разгоняющіе всероссійское собраніе. Бездѣйственныя слова протеста, формула, гласящая, что мы—заключенные—с в о б о д н ы, звучитъ ироніей.

Сила сломала право и ничего знать не хочетъ. Однако правомъ она н и к о г д а признана не будетъ.

Тяжело читать газеты.

Итальянская грамматика куда занятнѣе. По крайней мѣрѣ не думать о томъ, что творится на Руси.

— Поздно. Надо укладываться спать на свою холодную койку.

30 ноября.

„Но окно тюрьмы высоко,
Дверь желѣзная съ замкомъ"...

Лѣзутъ въ голову обрывки давно забытой пѣсни. День начался какъ вчера. Отъ холоднаго пола и простуды еще наканунѣ схватилъ насморкъ и не пошелъ на утреннюю прогулку. Два платка быстро израсходовались. Надо что-то придумывать для ихъ сушки. Въ тепломъ углу съ помощью ниточки и перекладинки изъ скрученной бумажки, заткнутой въ рѣшетку вентилятора, устраиваю сушилку. Во всѣхъ стѣнахъ камеры нѣтъ ни

одного гвоздика, а потому мое „изобрѣтеніе“ меня забавляетъ. Въ тепломъ углу подвѣшенный на ниточкѣ платокъ сохнетъ скоро и я вполнѣ доволенъ.

За обѣдомъ дали щи изъ солонины, мало и скверно.

Саша прислала книги, бѣлье, шведскую куртку. Теперь мнѣ не будетъ такъ холодно. Ура!

Часовъ около 3-хъ неожиданный посѣтитель—какой-то членъ прежней (Временнаго Правительства) слѣдственной комиссіи послѣдній разъ посѣщаетъ „по долгу службы“ заключенныхъ. „Андрей Ивановичъ, позвольте привѣтствовать васъ, какъ народнаго избранника. Какое ужасное положеніе!“. Я пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ. Хуже всего безплодныя сожалѣнія.

Опять такъ темно, что не могу писать.

Долгоруковъ положительно пользуется особымъ расположеніемъ солдатъ. Проходя мимо двери моей комнаты на прогулку, онъ всегда успѣваетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ привѣтствія.

Бѣдному Кокошкину достался совсѣмъ холодный номеръ и его переводятъ далеко отъ насъ, въ 53-й. Я ему переслалъ плитку шоколада и въ отвѣтъ получилъ кусочекъ колбасы. Все же друзья съ воли не забываютъ улучшать наше питаніе.

Въ 7 час. вечера я думалъ, что дверь уже послѣдній разъ захлопнулась за караульнымъ, принесшимъ мнѣ ужинъ. Но вдругъ появились неожиданно посѣтительницы: двѣ сестры милосердія, въ сопровожденіи офицера караула.

— Не жалуетесь ли вы на что-либо?—

— Нѣтъ, благодарю васъ. На что же здѣсь жаловаться.

— Холодно?

— Да, холодно.

Ушли и снова въ камерѣ глубокая тишина. Я уже собрался съ удовольствіемъ приняться за Луи Блана, какъ электричество внезапно погасло и воцарился глубокій мракъ. Но не надолго. Теперь у меня есть и свѣчи, и спички. Ощупью ихъ нашелъ и зажегъ. Могъ читать и писать до 11 ч. ночи.—Даже ссудилъ одну свѣчу Долгорукову, который оказался въ полной темнотѣ. Караульный пустилъ его на минуту ко мнѣ въ камеру и мы

поздоровались. Въ коридорѣ полный мракъ. Остановилась вода въ водопроводѣ. Во всемъ корпусѣ тишина и темнота абсолютныя.

Неужто всеобщая забастовка?—мелькаетъ въ головѣ фантастическая мысль.

Вода вскорѣ пошла, но электричество не горѣло всю ночь.

1 декабря.

Въ 9 час. утра вставать совсѣмъ еще темно. Холодно больше, чѣмъ вчера. Даже въ тепломъ углу почти одинаковая температура.

Сегодня день свиданій. Увижу Шуру, быть можетъ придетъ и Юрій.

Передъ обѣдомъ неожиданный визитъ тюремнаго врача. Онъ вошелъ, въ военной формѣ, сдѣлалъ два шага въ камеру, предусмотрительно заложилъ руки за спину и сухимъ формальнымъ тономъ спросилъ: „Медицинская помощь не нужна?"

— Нѣтъ.

Не знаю, воспользовался-бы я такимъ предложеніемъ, еслибы она была мнѣ и нужна.

Караульный внесъ щетку и глухо сказалъ:—для уборки.

Я сталъ подметать полъ. Кстати, не будутъ попадаться подъ ноги какія-то шкурки отъ орѣховъ. Очевидно, еще отъ прежняго квартиранта остались.

На прогулкѣ измѣрилъ дворикъ шагами. Всего кругомъ пяти сторонъ 180 шаговъ. Успѣлъ обойти шесть разъ. Итого 1080 шаговъ, т.-е. около 360 саженъ. День хмурый и вѣтряный, идетъ мелкій снѣжокъ. Голуби, нахохлившись, смирно сидятъ у карниза. Прошлый разъ они шумной толпой слетѣли ко мнѣ, надѣясь на подачку. Они привыкли къ тому, что узники развлекаются ихъ кормленіемъ. Надо захватить хлѣба на слѣдующій разъ. Обѣдъ сегодня совсѣмъ плохъ. Супъ пустой—безъ всего. Плаваетъ одинъ тонкій ломтикъ соленаго огурца. Очевидно, это разсольникъ. Трудно повѣрить, чтобы такъ питался гарнизонъ крѣпости. Вѣроятно, такой общій котелъ только для заключенныхъ.

Въ сумракѣ пытаюсь писать дневникъ.... Слава Богу, скоро пришла Саша и мы поговорили о всякихъ личныхъ дѣлахъ. Очень хочу получить къ себѣ въ камеру семейную группу. Хочу видѣть, хотя такимъ образомъ дѣтей и Фроню, которую уже никогда, никогда больше не увижу. И до сихъ поръ про эту смерть, про это нежданное и неизбывное горе не могу ни думать, ни говорить покойно. Судьба отказала мнѣ даже въ послѣднемъ утѣщеніи—проститься съ Фроней. Не могу повѣрить, что все это реально. Такъ и кажется, что вздрогнешь и проснешься отъ тяжелаго, кошмарнаго сна, что всего этого не было, не было, не было.

Хуже всего то, что теперь ничто не мѣшаетъ думать, и никакія дѣла не отвлекутъ отъ своихъ личныхъ тяжелыхъ думъ. 23 года жизни точно зачеркнуты сразу, и кругомъ такая пустота и внутри холодъ и пустота. Сознаешь, что вся твоя маленькая исторія теряется въ громадныхъ и трагическихъ событіяхъ страны, но отъ этого сознанія, когда остаешься одинъ, не легче.

Дѣти... Да, хорошіе они у меня и пока я могу лишь радоваться на нихъ. А какъ бы мы съ нею вмѣстѣ радовались успѣхамъ Аленушки, пріѣзду Володи, шумному веселью Юрія или Туси, словамъ молчаливой и вдумчивой Риты. Да, какъ бы мы радовались и какъ бы отдыхали вмѣстѣ отъ политическихъ тревогъ и ужасовъ современныхъ дней...

Гремитъ желѣзный ключъ. Караульный принесъ въ оловянной мискѣ пустую, соленую похлебку на ужинъ.

Еще одинъ тюремный день прошелъ.

2 декабря.

Звуки внѣшняго міра почти не достигаютъ моей камеры. Не слышно боя часовъ на колокольнѣ и даже пушечный выстрѣлъ не всегда отмѣтишь. Такъ глухо звучитъ онъ среди неопредѣленнаго и гулкаго шума, который днемъ почти всегда налицо. Сама камера звучитъ какъ резонаторъ; всякій звукъ въ ней раздается усиленно и протяжно. Стукъ шаговъ, кашель

лязгъ отворяемой двери и скрипъ ключа—рѣзко отдаются отъ сводчатаго потолка и гудятъ вверху.

Снаружи не слышно ничего. Толстыя стѣны не пропускаютъ никакихъ звуковъ. Они не залетаютъ даже въ окно. Но зато все усиленно слышно, что дѣлается въ коридорѣ. Шаги караульнаго, разговоръ его съ товарищами, звонъ посуды или шумъ отворяемой двери сосѣднихъ камеръ, даже отрывистыя фразы караульнаго съ заключенными слышны хорошо. Правда, звуки не отчетливы, заглушены шумомъ, которымъ вторитъ коридоръ, но все же ихъ слышно и иногда можно разобрать слова. Я совершенно ясно различаю голосъ высокій, металлическій—Кокошкина и низкій, мягкій басъ Долгорукова. Иногда караульному приходитъ охота пѣть, и заунывные, тихіе звуки русской пѣсни жалобно слышатся въ коридорѣ, сливаясь съ гулкими отзвуками. Вчера два солдата по складамъ читали газету. Словъ разобрать было нельзя, но самый процессъ чтенія, медленный и спотыкающійся, былъ слышенъ очень хорошо. Сегодня утромъ, когда еще было совсѣмъ темно, новый караульный читалъ, вѣроятно, при свѣтѣ керосиновой лампочки, или наизусть какую-то „Божественную“ книгу. Выходило въ родѣ монотоннаго чтенія по покойнику. Читалъ долго и прилежно.

Бѣлый день занялся надъ столицей... но у меня въ камерѣ еле брезжитъ свѣтъ. Въ девять часовъ утра, чтобы умыться долженъ былъ зажечь свѣчку. Кипятокъ къ чаю дали только въ 10¼ часовъ. Говорятъ, не хватаетъ посуды. Какъ много „работы“ при диктатурѣ пролетаріата. Если вздумаютъ сажать всѣхъ членовъ „руководящихъ органовъ партіи к-д.“—не хватитъ и мѣстъ. Впрочемъ, въ нижнемъ этажѣ спѣшно ремонтируются всѣ камеры, печи, трубы клозетовъ и водопровода.

Отъ стараго режима достались новой „диктатурѣ“ достаточно обширныя тюрьмы. Но вѣдь новый „режимъ“ можетъ и превзойти своего предшественника. Дорвавшись до власти, онъ дешево ее не захочетъ отдать. Онъ не изжилъ ни своей идеологіи, ни своего, увы, обаянія для темной массы, какъ это случилось съ царскимъ самодержавіемъ. А потому онъ циничнѣе и храбрѣе. Ему все

ни по чемъ. Вчера въ „Днѣ“ прочелъ характеристику Ленина, написанную Невѣдомскимъ. Какое поразительное сходство, типичное, съ Петромъ Верховенскимъ изъ „Бѣсовъ“. Геніальная картина Достоевскаго, возникшая по поводу процесса Нечаева, только теперь понятна своей проникновенностью и пророческой прозорливостью. Развѣ не исполинская нечаевщина охватила Россію и мучитъ ее въ кровавомъ кошмарѣ... Только скоро-ли бѣсноватые исцѣлятся и бѣсы ринутся въ стадо свиней?

Скоро ли?

Читая газеты, не видишь пока признаковъ грядущаго выздоровленія. А пока что отъ политическаго философствованія караульный предлагаетъ заняться уборкой, внося половую щетку...

Что же начнемъ камерный туалетъ.

Ничего безстыднѣе и безграмотнѣе я не читалъ, какъ указаніе „Извѣстій“ и „Правды“ на монархическій заговоръ к.-д. Гдѣ-то взяли при обыскѣ проектъ какого-то закона объ организаціи власти. Почему онъ приписанъ к.-д., неизвѣстно. Проектъ закона говоритъ о выборѣ Президента Учредительнымъ Собраніемъ на 1 годъ. Почему это называется „монархическимъ заговоромъ“, понять невозможно. Кто пишетъ подобныя глупости? Безграмотные дураки? Или прожженные негодяи для дураковъ? Или свихнувшіеся съ ума? Или продажные провокаторы? Но вѣдь читать будутъ эту чепуху и будутъ вѣрить и ничего не поймутъ—тысячи и тысячи людей. Въ этомъ весь ужасъ современнаго положенія.

Саша и сегодня добилась свиданія и пришла съ какимъ-то знакомымъ врачемъ. Все безпокоится о моемъ здоровьѣ. А у меня даже насморкъ прошелъ, и моя сушилка уже занята полотенцемъ.

Какъ только я показался на прогулку, голуби шумно слетѣли съ карниза, желая получить хлѣба. Они клевали его на дорожкѣ и почти не взлетали при моемъ приближеніи. Ихъ, вѣроятно, кормятъ здѣсь всѣ заключенные.

Въ одиночествѣ всякое живое существо развлекаетъ; въ моей камерѣ также оказались жильцы. Двухъ изъ нихъ я встрѣ-

тилъ, впрочемъ, съ негодованіемъ, то были клопы. Одинъ забрался въ теплый уголъ, а другого я нашелъ уже вблизи кровати. Даже здѣсь эти паразиты приспособились. Очевидно, въ послѣднее время не было недостатка въ ихъ жертвахъ.

А часовъ около восьми вечера къ стеклу иллюминатора, за которымъ горитъ электрическая лампочка, прилетѣла, Богъ вѣсть откуда, маленькая мошка съ сѣрыми крылышками, покружилась и исчезла въ темнотѣ. Какъ попала она сюда? Чѣмъ живетъ? Я любовался ея трепетнымъ слабымъ полетомъ, пока она не скрылась въ сумракѣ комнаты. Принимаюсь за итальянскую грамматику.

3 декабря.

Еще темно, но уже не спится. Среди полной тишины изъ коридора доносится звучный и мѣрный храпъ. Очевидно, бѣднякъ-караульный не вынесъ тяжести своего революціоннаго долга...

Какъ жестокъ сонъ. Сегодня я видѣлъ во снѣ Фроню, дѣтей, все, какъ было прежде, все, чего уже нѣтъ и что далеко. Сонъ не даетъ забвенія, а пробужденіе разрушаетъ его зыбкій обманъ.

Вдали уже гремятъ ключи отпираемыхъ камеръ. Сейчасъ войдетъ и ко мнѣ солдатъ, положитъ на столъ четыре куска сахару, возьметъ чайникъ, чтобы налить кипятку и скажетъ:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, здравствуйте.

Пора вставать, хотя въ окнѣ еще ни единаго проблеска свѣта.

На прогулкѣ изучаю неправильный пятиугольникъ нашего внутренняго дворика. Нашъ бастіонъ двухэтажный и пятью корпусами непрерывно окружаетъ дворъ. Внутри двора насчитываю въ двухъ сторонахъ по пяти оконъ въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ, въ двухъ по шести оконъ и въ одной по три. Затѣмъ въ углахъ между сторонами небольшіе простѣнки по 1 окну.

Всего въ верхнемъ этажѣ 30 оконъ, въ нижнемъ 27. Мѣсто

трехъ оконъ занимаютъ одни ворота и двѣ входныхъ двери, ведущія въ коридоры камеръ. Къ дворику внутри бастіона. примыкаютъ коридоры, опоясывая его кольцомъ. Окна камеръ въ сторону противоположную отъ дворика. Судя по моей камерѣ, кругомъ бастіона еще тянутся стѣны какихъ-то зданій. Если предположить, что въ простѣнкѣ съ тремя окнами помѣщается контора и комнаты для свиданій, то судя по количеству оконъ въ коридорахъ, выходящихъ на дворикъ, въ бастіонѣ должно быть свыше 80 камеръ. Пока, кажется, всѣ (?) камеры нижняго этажа пусты, но повидимому, администрація ждетъ новыхъ жильцовъ: ремонтъ трубъ продолжается несмотря на воскресный день. Вчера за этимъ ремонтомъ наблюдалъ одинъ изъ заключенныхъ: я съ радостью узналъ въ немъ Пальчинскаго.

— Вотъ, чѣмъ приходится заниматься,—сказалъ онъ, иронически улыбаясь, и затѣмъ опять сталъ давать какія-то указанія работавшему мастеру. Я шелъ на свиданіе и не остановился даже, тѣмъ болѣе, что мой провожатый, матросъ 2-го балтійскаго флотскаго экипажа, очень недоброжелательно отнесся къ „разговору“. На обратной дорогѣ встрѣча была совсѣмъ не изъ пріятныхъ. Изъ бани въ халатѣ и туфляхъ, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ шелъ И. Г. Щегловитовъ. Онъ мало измѣнился за 9 мѣсяцевъ. Впрочемъ я быстро прошелъ мимо него и не успѣлъ разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ.

Троцкій и Ленинъ, отвѣчая на вопросы о нашемъ арестѣ, угрожали въ будущемъ... гильотиной... Такъ передано въ газетахъ. Что же? Еще разъ въ исторіи человѣчества лицемѣрная поддержка свободы и благосостоянія отечества будетъ основана на казняхъ. Логически до этого должны доходить всѣ насильники, презирающіе все, кромѣ своей воли, или преслѣдующіе свои безумные планы, вопреки желанію большинства населенія. Сейчасъ насилія вооруженныхъ людей замѣняютъ имъ національное мнѣніе, и это уже начало ихъ гибели, какъ всякой тираніи. Lasciate ogni speranza,—могу я теперь сказать по-итальянски,—вотъ что должно быть написано въ заголовкѣ

всѣхъ насильственныхъ дѣйствій, въ судьбѣ всѣхъ узурпаторовъ. Все же насиліе никогда правомъ признано не будетъ...

Самое хорошее время въ тюрьмѣ наступаетъ послѣ 7 час. вечера. Караульный внесъ пустую похлебку на ужинъ, чайникъ съ кипяткомъ и заперъ дверь до утра. Больше уже никто не потревожитъ. Не придетъ дневальный съ щеткой, не явится съ ненужнымъ визитомъ тюремный врачъ съ обычнымъ вопросомъ о медицинской помощи, не принесутъ посылки или газетъ, напоминающихъ о внѣшнемъ мірѣ. Въ коридорѣ воцаряется абсолютная тишина, только слышны глухіе шаги въ какой-то камерѣ, но вскорѣ и они замолкаютъ. Совсѣмъ тихо... Усѣвшись на кровать съ ногами (на полу стынутъ ноги) читаешь или думаешь одинъ въ тишинѣ, и мысли текутъ спокойно и глубоко. Тихо и на душѣ...

4 декабря.

День безъ газетъ. Но объ этомъ даже не жалѣешь. Вѣсти внѣшняго міра только раздражаютъ, хотя и не можешь отъ нихъ оторваться, когда приходитъ солдатъ съ новыми газетами. Оторванный отъ событій, лишенный какой-либо активной возможности проявить во внѣ свою волю, свою мысль, даже не зритель, а запертый въ четырехъ стѣнахъ „читатель“ совершающихся событій—роль, мало подходящая для людей съ моимъ темпераментомъ и еще достаточно пригодныхъ къ работѣ.

Вѣроятно, самое тяжелое сидѣть въ тюрьмѣ въ молодые годы, когда все направлено къ дѣятельной жизни, а насиліемъ принужденъ къ пассивно-созерцательному времяпрепровожденію.

„Съ воли“ прислали массу вещей и съѣстныхъ припасовъ. Къ чему все это? Я и на свободѣ не очень цѣнилъ всякія удобства и снѣди, а здѣсь они кажутся совсѣмъ лишними. Скажу, чтобы ничего мнѣ не присылали. Скрасить тюремную жизнь ничто не сможетъ, а набивать ее мелочами не стоитъ. Суровая—она проще и легче воспринимается.

Вотъ и мой караульный сегодня сталъ заговаривать о несправедливости нашего ареста и явно выказывалъ свое сочув-

ствіе. Онъ смѣнился вчера съ ночи и сразу сталъ заботливо спрашивать—не холодно ли въ камерѣ? Дальше разсказалъ, что большевикамъ не всѣ сочувствуютъ, показалъ, въ видѣ примѣра, письмо отъ брата. Тотъ пишетъ, что надо перетерпѣть это время, „всѣ прожуклись“ и всѣ ругаютъ соціалистовъ...

— Вотъ такъ и дождутся, что опять царя захотятъ,—философски замѣтилъ мой новый покровитель.

Оказывается, что съ самаго начала революціи наши теперешніе охранители замѣнили старыхъ жандармовъ въ крѣпости и съ тѣхъ поръ служатъ здѣсь.—Мы и при васъ здѣсь служили и при всѣхъ прежнихъ правительствахъ, а большевики намъ не довѣряютъ, все хотятъ выгнать и замѣнить матросами, все требуютъ строгости къ заключеннымъ, а жалованье не платятъ вотъ уже второй мѣсяцъ.—И неожиданно добавилъ: „Пропадутъ они со своимъ соціализмомъ“.

Да, конечно, пропадутъ... Но сколько пропадетъ помимо нихъ ни въ чемъ не повинныхъ, темныхъ, несчастныхъ людей, которымъ сулили рай на землѣ, миръ на фронтѣ, а повели гражданскую войну и къ новымъ убійствамъ... У Лихтенберже я прочелъ слѣдующее, вполнѣ точное опредѣленіе итоговъ Великой Французской революціи, въ смыслѣ достиженія коммунистическаго идеала: „Основной результатъ, къ которому привели соціальныя преобразованія революціонной эпохи, діаметрально противоположенъ соціалистическимъ тенденціямъ“.—Главныя соціальныя реформы проведены были Конвентомъ, и подкрѣплены терроромъ. Онъ начался на четвертомъ году революціи. У насъ онъ возникъ на 9 мѣсяцѣ, и конецъ будетъ сходный. Наши соціалисты крестьянскую тягу къ землѣ приняли, какъ стремленіе къ соціализму, или, пользуясь этой стихійной жаждой земельнаго захвата, хотятъ повернуть его къ соціализму. И то, и другое—величайшая ошибка. Первобытныя отношенія и первобытный коммунизмъ есть зародышъ общественности, но изъ первобытныхъ гражданъ не создать соціалистическаго государства, какъ изъ дикарей не сдѣлаешь парламентаріевъ. Крестьянство разочаруетъ всѣ ожиданія

соціалистовъ, какъ только кончится захватъ и самый хищническій раздѣлъ частновладѣльческой земли. Никакая соціализація не сможетъ быть осуществлена. Дѣло кончится и у насъ полной противоположностью тому, къ чему стремятся соціалисты. И чѣмъ больше будетъ насилія, тѣмъ быстрѣе наступитъ противоположный эффектъ...

Неожиданно мои замѣтки были прерваны приходомъ жены Горькаго — Андреевой. Пользуясь, видимо, высокой протекціей, она посѣтила всѣхъ насъ по камерамъ. „Всѣ волнуются о васъ и вашемъ здоровьѣ. Что имъ сказать отъ васъ? Не нужно ли чего? Какъ ваши нервы?“—Благодарю, я совершенно спокоенъ. Столько свалилось на меня за послѣднее время личныхъ невзгодъ, что я какъ-то пересталъ ихъ чувствовать. Здѣсь тихо и покойно. Передайте всѣмъ мою просьбу не безпокоиться обо мнѣ!

Она ушла къ Долгорукову, и я сквозь дверь слышалъ ихъ голоса—мягкій басъ князя и красивый тембръ ея контральто...

Больше не хочется ни писать, ни разсуждать.

Гдѣ-то итальянская грамматика? Она отвлечетъ отъ всякихъ безпокойныхъ мыслей.

5 декабря.

Уже недѣля прошла, какъ насъ лишили свободы. Я не думалъ, что время даже въ заточеніи идетъ такъ быстро, такъ незамѣтно. Правда, что я сплошь заполняю его какою-либо работой. Остаться долго одному, безъ дѣла, вѣроятно, было бы ужасно. Тюремный режимъ соціалистовъ-жандармовъ много мягче самодержавныхъ жандармовъ. Пока у насъ не было случая глумленія надъ личностью. Всѣ вѣжливы, а тамъ издѣвательство, говорятъ, было правиломъ. Кромѣ того въ чтеніи, въ письмѣ, свиданіяхъ и посылкахъ очень мало ограниченій. Я лишился лишь своего перочиннаго ножа. Это, конечно, причиняетъ нѣкоторыя неудобства, но сущіе пустяки по сравненію съ прежнимъ режимомъ. Не только солдаты, но и матросы, и офицера караула очень корректны, хотя матросы имѣютъ всего

болѣе озлобленный и суровый видъ. Почему? Солдаты же, какъ общее правило, добродушны. Все-же тюрьма — тюрьма, и насильники всегда оправдываютъ свои насилія приблизительно одинаковымъ образомъ, часто до курьеза одними и тѣми же словами. На первомъ мѣстѣ, конечно, государственное благо, salus reipublicae.

Вотъ и теперь наша партія объявлена врагомъ народа, врагомъ россійской республики. Вчера я прочелъ въ газетѣ, какъ какой-то с.-р. (лѣвый) оправдывалъ на собраніи нашъ арестъ тѣмъ, что при тушеніи пожара не жалѣютъ стеколъ. Ему напомнили, что ту же самую фразу сказалъ въ Г. Думѣ Столыпинъ. Воспоминанія надо продолжить много дальше. Луи Бланъ, описывая бунтъ 6 октября 1789 г. и походъ парижскихъ женщинъ за хлѣбомъ и королемъ въ Версаль, походъ, чуть было не кончившійся, благодаря какому-то темному заговору, убійствомъ королевы бандой подосланныхъ людей, приводитъ, между прочимъ, фразу графа Прованскаго (брата Людовика XVI) и повидимому тайнаго главы придворныхъ заговоровъ. Когда ему сказали объ опасности, угрожавшей королевской семьѣ, онъ спокойно замѣтилъ: „Что дѣлать. У насъ революція, а вѣдь на пожарѣ безъ битыхъ оконъ не обойтись“.

На свиданіе неожиданно пришла Кауфманъ О. А. и Вѣра Давидовна. Обѣ натащили всякой всячины. Притащили почему-то Romain Rolland. Я читалъ еще съ Фроней Jean Christoffe и мнѣ онъ очень нравился. Теперь не знаю. Онъ такъ много пробудитъ недавнихъ воспоминаній. Почему именно эту книжку случайно они захватили. Вчера въ Revue de deux mondes я прочелъ маленькую вещицу Jerard d'Houville. „La nuit porte conseil“. Какъ не похожа эта пастораль, очень легкая и красивая, на недавній реализмъ натуральной школы. Какъ она вообще мало современна и какъ хороша, вѣроятно, на сценѣ, напримѣръ, Художественнаго театра. Саша пришла съ Юріемъ. Бѣдный парень, вѣроятно, всплакнулъ отъ первыхъ впечатлѣній тюрьмы. Да и жить вдругъ одному въ пустой квартирѣ, послѣ того, какъ всегда вся семья была въ сборѣ, тяжело въ 18 лѣтъ.

Какое грустное дѣтство и юность для моихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Суровая политическая буря и личныя тяжелыя потери лишь бы не изломали ихъ юную жизнь. Это такое горе, которое для меня будетъ самымъ ужаснымъ. На мою долю выпало много счастія, много успѣха; жизнь прошла полно и интересно. Если теперь она наноситъ ударъ за ударомъ, то были и лучшіе дни. Да, наконецъ, мнѣ и перенести теперь это легче. А имъ?

Вѣра Давидовна говоритъ, что насъ могутъ выслать заграницу. Но какъ я ихъ оставлю? А какъ ихъ я смогу взять, когда нѣтъ ни гроша, чтобы ихъ тамъ устроить. Лучше здѣсь отсидѣть, чѣмъ высылка.

6 декабря.

У меня на столѣ плошечка съ вишнево-красными цвѣтами цикламена. Темные, круглые листья окружаютъ красивыя поникшія головки цвѣтовъ. Ихъ принесла вчера О. А. Кауфманъ. Въ сумракѣ тюремной камеры они выдѣляются страннымъ пятномъ. Эти цвѣты въ неволѣ такъ не подходятъ къ суровой простотѣ и пустотѣ комнаты. Они говорятъ о другой жизни. Цвѣты въ тюрьмѣ. Что можетъ быть болѣе неожиданнаго, несочетаемаго въ соединеніи этихъ понятій. Цвѣты такъ красятъ внѣшнюю жизнь, тюрьма сводитъ ее почти на нѣтъ, почти къ предѣлу физіологическаго житія. Цвѣты—продуктъ солнца, тепла, свѣта и свободы. Въ тюрьмѣ сумрачно, холодно, пусто. Украсить тюрьму это противоестественно, украсить могилу — это понятно. И мнѣ хотѣлось бы эти вишнево-красные цвѣты поставить на далекую могилу. Она такъ бѣдна теперь. Въ послѣдній разъ, когда я былъ тамъ, она была занесена пушистымъ бѣлымъ снѣгомъ. Мнѣ было грустно, какъ никогда. Все скрыто подъ нимъ, все, что никогда не воскреснетъ къ жизни, все, что прошло и сразу оборвалось. Зачѣмъ? Почему?

7 декабря.

Все однообразно; день проходитъ какъ предыдущій, и завтра будетъ то же, что вчера. Только газеты будоражатъ и вызы-

ваютъ чувство мучительнаго безсилія. Нѣтъ имени негодяямъ и лжецамъ, пишущимъ въ „Правдѣ". Даже свою неспособность справиться съ пьяными погромами и неистребимую слабость толпы, разнузданной и развращенной безнаказанностью и безсудностью, они сваливаютъ на контръ-революцію, корниловцевъ и калединцевъ. Подлые и жалкіе лгунишки, безъ чести и смѣлости говорить „правду". Самая отвратительная смѣсь партійнаго ханжества и безнравственности. Но самое ужасное, это не ложь отбросовъ соціалистической партіи, а тотъ національный позоръ, униженіе и рабство, которые эти люди готовятъ для страны въ переговорахъ съ нѣмцами. Неужели и это еще придется вынести? Вчера говорили даже, что дивизія нѣмецкихъ войскъ войдетъ въ Петроградъ. Не хочется вѣрить въ этотъ кошмаръ измѣны и безумія. Надо кричать на всю страну..., но кругомъ только четыре толстыхъ стѣны, шаги часового въ коридорѣ и тишина тюрьмы.

Опять принесли всякую массу свертковъ съ продуктами. И я снова пишу убѣдительныя письма, чтобы ничего не присылали мнѣ. Нужно такъ мало, и эти заботы друзей только удручаютъ. Вечеромъ я мирно читалъ, какъ вдругъ неожиданный инцидентъ: часовъ около 8 вечера зовутъ меня въ канцелярію и просятъ остаться въ комнатѣ съ солдатомъ. А въ это время, какъ оказывается, обыскиваютъ камеру и приносятъ связку бумагъ, которыя лежали на полу. Я еще вчера съ удивленіемъ нашелъ ее среди вещей и еле просмотрѣлъ: тамъ оказались секретарскія бумаги за сентябрь—августъ. Я ихъ хорошенько даже не разсматривалъ и положилъ на полъ, удивляясь, кто и зачѣмъ мнѣ ихъ прислалъ. Не знаю даже, что въ этой папкѣ. Ужасно странно, что сегодня приходятъ съ обыскомъ и берутъ какъ разъ эту папку. Что въ ней кромѣ секретарскихъ дѣлъ? Понятія не имѣю. Зачѣмъ она попала ко мнѣ—совершенно не знаю. Удивительно странная исторія, которая, однако, раздражаетъ меня своей безсмыслицей и неясностью.

8 декабря.

Саша на свиданіи принесла нашу фотографическую семейную группу и письма отъ дѣвочекъ. Я едва удержался отъ слезъ, глядя на группу. Еще въ апрѣлѣ мы были вмѣстѣ, всѣ лица веселыя, Фроня очень похожа и жива. А что осталось теперь! У меня сжимало горло, и я съ трудомъ говорилъ. А тутъ еще письма дѣвочекъ. Полныя энергіи и возмущенія строчки Туси; она рвется въ Петроградъ. И трогательныя, не по-дѣтски серьезныя слова Аленушки. „Лучше ужъ умереть съ голоду, но въ Петроградѣ, а тутъ все равно мы умираемъ по кусочку, понемногу“. Бѣдныя крошки! Но какъ ихъ привезти сюда. Съ кѣмъ ихъ оставить здѣсь. Я долго не могъ успокоиться и шагалъ изъ угла въ уголъ своей десятиаршинной клѣтки. Что сдѣлать? Что имъ написать?

Поздно вечеромъ получилъ записку отъ Саши, что глупая исторія съ бумагами, которыя какъ-то попали ко мнѣ въ камеру, въ Смольномъ разъяснена. Хорошо все, что хорошо кончается. Но я до сихъ поръ не понимаю, зачѣмъ они ко мнѣ попали, кто эту глупость сдѣлалъ и почему про нее узнали и, устроивъ обыскъ, ихъ нашли. Вся эта дикая исторія совершенно не укладывается въ моей головѣ. Нужно было къ нелѣпости случайнаго ареста прибавить нелѣпость чьей-то выходки или ошибки съ этими бумагами. Даже въ тюрьмѣ спокойно не просидишь.

9 декабря.

Какъ-то въ одномъ изъ разговоровъ въ Москвѣ въ Ц. К. опредѣляли составъ „большевистскаго“ движенія, и нѣкоторые находили его состоящимъ изъ пяти злементовъ:

I. а) Это темная, политически несознательная, но озлобленная соціальнымъ неравенствомъ и хозяйственнымъ распадомъ страны, подъ вліяніемъ войны, рабочая масса;

б) не желающія воевать, распущенныя и развращенныя массы необученныхъ, молодыхъ и бездѣльныхъ солдатъ, оторван-

ныхъ отъ здороваго с.-х. труда, въ томъ возрастѣ, когда энергія все же ищетъ выхода и теоріи самыя крайнія всего легче увлекаютъ. Массы, столь-же или менѣе сознательныя, чѣмъ рабочіе и еще болѣе склонныя къ насилію и грабежу;

II. в) уголовные элементы тюремъ;

III. г) охранники и приспѣшники стараго режима, примазавшіеся къ большевизму;

IV. германскіе шпіоны и германофилы;

V. Идеологи диктатуры пролетаріата, фанатики соціальной революціи, безумцы и адепты внутренней классовой войны.

Масса рано или поздно образумится. Солдаты возвратятся домой, рабочіе изстрадаются отъ голода и безработицы большевистской разрухи и изувѣрятся въ своихъ безумныхъ вождей, уголовные постепенно снова попадутъ въ тюрьмы, охранники и монархисты, быть можетъ съ помощью большевиковъ загребутъ жаръ ихъ руками и чего добраго добьются реставраціи; германцы, разложивъ Россію и надругавшись надъ нею, уйдутъ nach Vaterland или будутъ эксплоатировать новую „колонію", и только идеологи и безумцы никогда не поймутъ, что они сдѣлали и чьимъ орудіемъ они были. Они—самые интересные и самые ужасные изъ всей этой пятерной смѣси большевистской бурды. Они дрожжи и, какъ дрожжи, первые должны гибнуть отъ эффекта броженія, ими вызваннаго. Какъ могутъ вѣрить въ свое „дѣло". Могутъ, вѣроятно, по той же схемѣ, по которой скептикъ никогда не повѣритъ: Credo, quia absurdum.

Но одного я не понимаю, то, чего не могъ понять никогда. Какъ эта вѣра въ величайшіе принципы морали или общественнаго устройства можетъ совмѣщаться съ низостью насилія надъ инакомыслящими, съ клеветой и грязью. Тутъ или величайшая ложь своему собственному богу, или безграничная глупость, или то состояніе наконецъ, которое англійскіе психіатры опредѣляютъ понятіемъ moral insanity—нравственное помѣшательство, неспособность различить добро и зло, слѣпота и глухота къ низкому, подлому, преступному.

Фигуры Ленина и Луначарскаго мнѣ представляются принадлежащими къ этой послѣдней категоріи.

10 декабря.

Еще одно письмо, разъясняющее появленіе въ моей камерѣ бумагъ..... Только одно все-же остается мнѣ непонятнымъ. Я понимаю теперь, как ъ и отъ кого попали ко мнѣ бумаги, но какимъ образомъ объ этомъ узнали и сдѣлали у меня обыскъ,— этого я не понимаю. Во всякомъ случаѣ вся безсмыслица этой случайной исторіи попрежнему портитъ мнѣ настроеніе. Случайности жизни, важныя и трагическія, пустяковыя и забавныя всегда вносятъ много красокъ, много разнообразія въ процессъ жизни. Но глупыя случайности ничего кромѣ досады не вызываютъ, ибо нѣтъ ничего хуже безсмыслицы.

Газеты полны описанія новой начинающейся гражданской войны—Сѣвера съ Югомъ. Развязка большевистскаго террора близится. Но сколько горя еще предстоитъ странѣ! Вѣдь террористы и фанатики уступали всегда только силѣ, а сила всегда жестока и часто несправедлива.

11 декабря.

Какъ непохожи люди другъ на друга. Въ нашей казарменно-тюремной жизни меня очень занимаетъ различіе въ словахъ, тонѣ, манерѣ обращенія нашихъ дежурныхъ часовыхъ. Одинъ молча и угрюмо проводитъ свое дежурство, молча и тихо отпираетъ камеру, смущенно и мягко говоритъ „здравствуйте“ утромъ или „пожалуйте на свиданіе“ — днемъ. Во время прогулки незамѣтно подметаетъ камеру или потомъ принесетъ отъ Долгорукова газеты. Другой—стучитъ и шумитъ въ коридорѣ, поетъ, читаетъ вслухъ по екладамъ, стучитъ ключомъ, прежде чѣмъ отопретъ дверь, не здоровается, шумно ставитъ на столъ чайникъ или оловянную миску съ деревянной ложкой. Особенно курьезна различная манера приносить утромъ сахаръ къ чаю. Одинъ принесъ мнѣ эти 4 куска прямо на своей ладони, другой на своей барашковой шапкѣ, третій завернутыми въ

бумажку, четвертый, наконецъ, подалъ мнѣ цѣлый свертокъ, сказавъ: „возьмите сами". Однажды караульный совсѣмъ не принесъ сахару, разсчитавъ, вѣроятно, что у меня и безъ казеннаго пайка много всякой всячины.

Нѣкоторые, очевидно, стѣсняются своей роли тюремщиковъ, бываютъ грустны и смущены, предлагая, что полагается по правиламъ, убрать комнату и подавая щетку; другіе, наоборотъ, развязны и даже какъ бы нѣсколько удовлетворены заключеніемъ „буржуевъ". Одинъ съ улыбкой мнѣ показалъ крупными буквами напечатанное въ заголовкѣ „Правды" раскрытіе „заговора" кадетъ по поводу разгрома винныхъ погребовъ.—Какая глупая ложь!—сказалъ я. Но онъ отошелъ, поглядѣвъ на меня недовѣрчиво и лукаво.

Одинъ, который оставался со мной въ конторѣ, въ то время какъ въ моей камерѣ производился обыскъ, спрашивалъ меня: „Чѣмъ же все это можетъ кончиться?", и я ему сталъ разсказывать о томъ неизбѣжномъ провалѣ завоеваній революціи, который будетъ вслѣдъ за большевизмомъ.

Послѣ дурацкой исторіи съ бумагами, попавшими ко мнѣ, всѣ стали болѣе подозрительными. На прогулкѣ большею частью только одинъ стоялъ со скучающимъ видомъ у дверей и нетерпѣливо, переминаясь съ ноги на ногу, ждалъ, когда окончится срокъ.

„Еще девять прогулокъ!" слышалъ я, какъ однажды одинъ изъ караульныхъ сказалъ сопровождающему. То, что для насъ единственные четверть часа возможности подышать свѣжимъ воздухомъ, для нихъ лишь добавочное время къ томительнымъ прогулкамъ бездѣльныхъ заключенныхъ. Иногда на дворѣ холодно, и они успѣваютъ озябнуть въ теченіе ряда прогулокъ. Въ иныхъ случаяхъ скучное ожиданіе у двери, пока я дѣлаю свои 4—6 круговъ во дворикѣ тюрьмы, замѣняется настоящимъ парадымъ надзоромъ за тяжкимъ и опаснымъ преступникомъ. Часовой съ ружьемъ стоитъ у двери, а его спутникъ съ шашкой ходитъ внутри дворика вокругъ маленькаго дома; все время, какъ я хожу по внѣшнему кругу, онъ наравнѣ со мной ходитъ,

болѣе медленно, по внутреннему кругу, не теряя ни минуты меня изъ виду. Даже смѣшно, хотя, вѣроятно, онъ строго исполняетъ правила. Что можетъ сдѣлать безоружный человѣкъ, запертый кругомъ двухэтажными стѣнами бастіона? Но по „формѣ" полагается, и нѣкоторые строго исполняютъ форму. Въ наше время полнаго разрушенія дисциплины странно видѣть довольно хорошую дисциплину у тюремной стражи. Но она несомнѣнно есть, и ей подчиняются и тѣ, кто сочувствуетъ новымъ арестамъ, и тѣ, кто ихъ не понимаетъ, и тѣ, которые имъ не сочувствуютъ.

Сегодня во время обычнаго визита тюремнаго врача онъ, противъ обыкновенія, пустился жаловаться на свое тяжелое положеніе, на то, какая это непріятная обязанность, на то, что нѣкоторые не понимаютъ его безсилія имъ помочь, что, напр., Третьяковъ все требуетъ, чтобы онъ отправился въ Смольный и тамъ добился разрѣшенія на консиліумъ. „Да я вовсе ничего не могу въ Смольномъ сдѣлать. Я даже и не тюремный врачъ, я врачъ крѣпостного гарнизона. Я вовсе не раздѣляю этихъ убѣжденій и не желаю имѣть дѣла со Смольнымъ!" добавилъ онъ неожиданно.

Мнѣ оставалось отвѣтить лишь, что дѣйствительно его положеніе тяжелое, но я не собираюсь причинять ему никакого безпокойства своей персоной.

Сегодня прогулка была очень поздно, въ $4^1/_2$ часа, когда уже смерклось, и я напрасно бралъ свой хлѣбъ: голуби улетѣли уже на ночлегъ и надъ дворикомъ носились лишь галки, кружась и крича своимъ негармоническимъ крикомъ.

12 декабря.

Вчера поздно вечеромъ принесъ караульный вечернюю газету. Первый процессъ въ революціонномъ трибуналѣ — процессъ Паниной. Слишкомъ много протестовъ вызвалъ ея арестъ, и они поспѣшили отъ нея отдѣлаться. Большей глупости, по-моему, они сдѣлать не могли. У Паниной нѣтъ политическихъ враговъ, а друзей во всѣхъ партіяхъ очень много. Да иначе и

быть не можетъ. Всѣ, кто ее знаютъ, не могутъ ее не любить и не уважать. Я припоминаю свою первую встрѣчу съ ней въ глуши Воронежской губерніи 14 лѣтъ тому назадъ, когда въ валуйскомъ санитарномъ совѣтѣ меня, какъ губернскаго санитарнаго врача, пригласили просмотрѣть планъ больницы, которую Панина хотѣла построить въ с. Вейделевкѣ. Она сама была тамъ и я пришелъ тогда въ восторгъ отъ ея скромности, простоты, дѣловитости и какой-то отрѣшенности отъ личной жизни, что въ то время меня увлекало и было дорого. Я помню, я долго надоѣдалъ всѣмъ, расхваливая Панину. Съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы, но мое отношеніе къ ней не измѣнилось. Я всегда любовался ею: и въ собраніи попечительствъ о бѣдныхъ, и въ Городской Думѣ, и въ засѣданіяхъ нашего Ц. Комитета, куда она вошла вскорѣ послѣ начала революціи, и въ немногихъ засѣданіяхъ временнаго правительства, гдѣ она изрѣдка замѣщала, какъ его товарищъ, Д. И. Шаховского. Также и на этомъ своеобразномъ „судѣ", если только можно назвать судомъ то, что создано подъ названіемъ революціоннаго трибунала, она, какъ всегда, держала себя молодцомъ.

Если такъ будетъ продолжать дѣйствовать революціонный трибуналъ при явномъ и всеобщемъ негодованіи, онъ ничего не прибавитъ „славѣ" большевиковъ, но очень будетъ способствовать отрезвленію многихъ. Что бы ни говорили о революціонномъ настроеніи массъ, чувство правды всегда живетъ даже въ темной толпѣ: она можетъ въ безумномъ порывѣ животной злобы дойти до звѣрскаго самосуда, но терпѣть долго и хладнокровно „Стучкинъ" судъ она не сможетъ. Въ концѣ-концовъ чувство правды возьметъ верхъ, и судъ надъ большевистскимъ „судомъ" свершится.

Какъ разъ сегодня Саша мнѣ говорила о предстоящемъ надо мной судѣ, о необходимости найти защитника..... Мнѣ, по правдѣ сказать, все равно. Я даже думаю, что не нужно никакой защиты. Пусть судятъ, какъ хотятъ. Все равно вѣдь это не судъ, а извращеніе насилія. При чемъ же тутъ прикрасы защиты.

13 декабря.

Чѣмъ сумрачнѣе день, тѣмъ меньше свѣта въ моемъ бѣдномъ окнѣ. Но даже и тогда, когда солнце свѣтитъ такъ ярко, въ мои стекла не попадаютъ даже косвенно его лучи. Только стѣна передъ окошкомъ дѣлается болѣе ясно очерченной, да кусокъ зимняго петроградскаго блѣдно-синяго неба говорятъ мнѣ о солнечномъ днѣ. Прогулка сегодня запоздала. Я не хотѣлъ идти гулять въ 9 час. утра, когда еще совсѣмъ темно, и я даже не успѣлъ выпить чаю. Грозили оставить безъ прогулки за отказъ идти въ срокъ, когда пришла очередь. Что дѣлать. Я все же не хочу гулять среди утреннихъ сумерекъ. Единственное удовольствіе—это любоваться яснымъ небомъ, деревьями, увѣшанными бѣлыми клочьями снѣга, его яснымъ блескомъ въ нашемъ дворикѣ. Сегодня, когда я вышелъ на прогулку, солнце уже заходило. Только проносившіяся облачка на свѣтломъ небѣ были окрашены красивыми розоватыми, голубоватыми отблесками блѣдной вечерней зари. Хорошо какъ на воздухѣ.—„Пожалуйте!" говоритъ караульный.

15 минутъ прошли, надо возвращаться въ свою комнату.

Вечеромъ неожиданно зашли ко мнѣ члены „Краснаго Креста—Н. Д. Соколовъ, снявшій наконецъ свою черную шапочку съ головы, и еще другой—первый посѣтившій меня здѣсь—неизвѣстный мнѣ гражданинъ. Мнѣ предлагали хлопотать, принимая во вниманіе мои разныя болѣзни, перевести въ больницу. Я отказался покидать здѣсь моихъ товарищей и говорилъ лишь о необходимости позаботиться о Ф. Ф. Кокошкинѣ, у котораго плохи легкія. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мѣнять мѣсто заключенія, къ которому уже привыкъ, на какое-либо другое. Лѣчиться? Но мои хроническіе недуги не излѣчиваются.

Единственно чѣмъ мнѣ работники „Креста" могли бы помочь, это достать мнѣ мандатъ объ избраніи меня въ Учредительное Собраніе. Въ Харьковѣ я прошелъ навѣрно; судя по газетамъ прошелъ я и въ Воронежѣ. Это послѣднее, если такія свѣдѣнія вѣрны, меня радуетъ. Все же быть хотя бы и въ тюрьмѣ, но членомъ Учредительнаго Собранія отъ родной гу-

берніи очень пріятно. Боюсь только, что исторія съ Учредительнымъ Собраніемъ будетъ кратковременнымъ и печальнымъ эпизодомъ въ исторіи второй русской революціи. Въ Смольномъ мечтаютъ уже о „Конвентѣ" или о перевыборахъ,—словомъ, о какой-то новой формѣ для поддержанія своей диктатуры. Какую ужасную опасность они готовятъ сами для себя. Демократія, которая такъ относится къ всеобщему избирательному праву, наноситъ всей своей доктринѣ непоправимый ударъ. „Если ужъ диктатура, то диктатура государственниковъ и не соціалистовъ", скажутъ многіе, и этотъ соблазнъ скоро будетъ увлекать.

14 декабря.

Годовщина возстанія декабристовъ. Они тоже, почти сто лѣтъ тому назадъ были здѣсь въ этихъ казематахъ Петропавловки, и нашъ бастіонъ носитъ имя одного изъ нихъ. Они умирали съ вѣрой въ свое дѣло. Наше поколѣніе живетъ, теряя вѣру въ то, что оно сдѣлало. Какой урокъ для нашихъ преемниковъ, если мы сами не сумѣемъ имъ воспользоваться. Когда меня спрашиваютъ—„Стоило ли дѣлать революцію, если она привела къ такимъ результатамъ?"—я отвѣчаю двумя соображеніями:

1. Наивно и близоруко думать, что революцію можно д ѣ л а т ь или не д ѣ л а т ь: она происходитъ и начинается внѣ зависимости отъ воли отдѣльныхъ людей. Сколько разъ ее пробовали „дѣлать" и погибали отъ равнодушія окружающихъ и преслѣдованія враговъ. Она приходитъ, какъ ураганъ и уходитъ чаще всего тогда, когда никто не подозрѣваетъ ея близости, или всѣ вѣрятъ въ ея прочность. Задержать революцію—такая же мечта, какъ и продолжить или углубить ее. Кто задержитъ бурю и кто ее остановитъ? Многіе предчувствовали ея возможность, многіе предвидѣли и предчувствовали ея появленіе у насъ, особенно начиная съ осени 1916 года; никто не воленъ былъ ни ее предупредить, ни даже измѣнить ея формы. Всѣ, кто себя упрекаетъ, или собою гордится за время революціи, могутъ это дѣлать лишь по отношенію себя самихъ.

Измѣненіе ихъ поведенія ничего не смогло бы измѣнить въ ходѣ развитія революціи. Это не фатумъ и не детерминизмъ. Это логическое развитіе событій въ громадномъ масштабѣ подъ вліяніемъ громадной величины движущихъ силъ. Сожалѣніе, раскаяніе, упреки и обвиненія интересны и, быть можетъ, умѣстны въ индивидуальной жизни, въ личныхъ характеристикахъ или личныхъ переживаніяхъ. Для революціи они ничто, они такъ же безцѣльны, какъ гаданія на тему: „что было бы, если бы то-то и то-то не случилось, или если бы такой-то не сдѣлалъ того-то"...

2. Если бы мнѣ предложили, если бы это было возможно, начать все сначала или остановить, я бы ни одной минуты не сомнѣвался бы, чтобы начать все сначала, несмотря на всѣ ужасы, пережитые страной. И вотъ почему. Революція была неизбѣжна, ибо старое изжило себя. Равновѣсіе было нарушено давно, и въ основѣ русской государственности, которую недаромъ мы называли колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, лежали темныя народныя массы, лишенныя государственной связи, пониманія общественности и идеаловъ интеллигенціи, лишенныя часто даже простого патріотизма. Поразительное несоотвѣтствіе между верхушкой общества и его основаніемъ, между вождями государства въ прошлыхъ его формахъ, а также и вождями будущаго и массой населенія—меня поразило еще въ юности, съ первыхъ лѣтъ университетской жизни. Оно представляло собой не только опасность для существующаго порядка, это была бы не бѣда, оно представляло громадную опасность для государства. Тогда эти мысли привели меня къ заключенію о необходимости сближенія верха съ низомъ, установленія связи прочной и реальной. Тогда мнѣ казалось все безполезнымъ: наука, искусство, политика, если они не преслѣдовали только эту цѣль. Вотъ почему тогда я бросилъ свои первоначальные планы отдаться наукѣ, которая меня притягивала и пережилъ свой первый кризисъ, бросивъ занятія ботаникой и поступивъ на медицинскій факультетъ, чтобы уйти въ народъ врачомъ. Отвергнувъ второе искушеніе остаться при

клиникѣ у Остроумова, я пошелъ даже не земскимъ врачомъ, я думалъ, что это отдаляетъ отъ народа по положенію, а просто вольнымъ врачомъ.

Долгіе годы потомъ показали мнѣ, какъ трудно что-либо сдѣлать на той дорогѣ, на которую я пошелъ, и какъ старый режимъ заграждалъ тысячами препятствій эту дорогу, по которой и безъ его упрямаго и безумнаго сопротивленія можно было двигаться лишь очень медленно и съ огромнымъ трудомъ. Тѣ же мысли, тѣ же соображенія всегда руководили мною и въ политической работѣ. Вотъ почему я всегда стоялъ за эволюцію, хотя она идетъ такими тихими шагами, а не за революцію, которая можетъ, хотя и быстро, но привести къ неожиданной и невѣроятной катастрофѣ, ибо между ея интеллигентными вожаками и массами непроходимая пропасть. Теперь, когда революція произошла, безцѣльно говорить о томъ, хорошо это или плохо. Съ весны 1915 года она стала роковой необходимостью и это я увидѣлъ осенью 1916 года и въ этомъ направленіи я тогда впервые пошелъ. Правда, многіе, и я въ томъ числѣ, мечтали лишь о переворотѣ, а не о революціи такого объема, но это лишь было проявленіе нашего желанія, а не реальной возможности. Теперь, когда революція произошла въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ направленіи, какого тогда никто не могъ предвидѣть, все же я говорю—лучше, что она уже произошла! Лучше, когда лавина, нависшая надъ государствомъ, уже скатилась и перестаетъ ему угрожать. Лучше, что до дна раскрылась пропасть между народомъ и интеллигенціей и стала, наконецъ, заполняться обломками прошлаго режима. Лучше, когда курокъ ружья уже спущенъ и выстрѣлъ произошелъ, чѣмъ ожидать его съ секунды на секунду. Лучше потому, что только теперь можетъ начаться реальная созидательная работа, замѣна глиняныхъ ногъ русскаго колосса достойнымъ его и надежнымъ фундаментомъ. Вотъ почему я не сожалѣю о происшедшемъ, готовъ его повторить и не опасаюсь будущаго. Я не боюсь несчастныхъ и безумныхъ опытовъ соціалистовъ. Они приняли первобытный коммунизмъ примитивныхъ формъ народной жизни

за соціалистическіе идеалы народа. Въ бездорожной, безграмотной странѣ съ полунатуральнымъ хозяйствомъ и зависимостью отъ иностранной промышленности и иностраннаго капитала они надѣются создать царство соціализма. Фантазія дѣтей, желающихъ поймать звѣзды своими ручонками. Они не только не поняли глубины научнаго эволюціонизма Маркса и его экономическаго матеріализма, они не поняли даже глубины Толстовскаго анализа „Царства Божія", которое „внутри насъ есть". Они похожи на персонажъ изъ новеллъ Боккачіо, который хочетъ „загнать ословъ дубиной въ рай". Несмотря на грубость этой характеристики, она вѣрна. Я не боюсь этихъ экспериментовъ буйной юности мысли и незнанія собственнаго народа и чужой исторіи. Чужой опытъ всегда плохо используется, и лучшая наука—собственныя ошибки. Луи Бланъ правъ, говоря, что „общества имѣютъ не только тѣло, но и душу, и когда душа измѣнилась, преобразовывается и тѣло. Всякая глубокая революція есть эволюція". Этотъ примиряющій аккордъ для меня имѣетъ теперь первенствующее значеніе. Душа народа у насъ еще пока мало измѣнилась, но измѣнилась, а главное раскрылась, и до нея дошла государственная жизнь, ее захватила или требуетъ отъ нея отвѣта. Рано или поздно начнется постройка новой государственности на единственно возможномъ и незыблемомъ фундаментѣ. Вотъ почему я пріемлю революцію и не только пріемлю, но и привѣтствую, и не только привѣтствую, но и утверждаю. Если бы мнѣ предложили начать ее сначала, я не колеблясь бы сказалъ теперь: „Начнемъ!"

15 декабря.

Выводы правильны. Вчера они мнѣ казались наиболѣе вѣрными, и я думаю надолго они будутъ рѣшающими. Но среди обломковъ прошлаго и хаоса настоящаго какъ трудно двигаться и дышать. Въ процессъ революціи вплелась война или, вѣрнѣе, война развернула процессъ революціи до невѣдомой глубины. И это единственно, что меня тревожитъ. Выдержитъ ли госу-

дарство тяжесть этихъ двухъ ударовъ? Государство, которое мнѣ дорого и цѣлость котораго для меня есть главное основаніе его будущаго расцвѣта и силы. Или революція и война, столкнувшись, схватившись въ смертельной борьбѣ, столкнутъ въ пропасть и государство, въ которомъ онѣ зажглись? Вотъ вопросы, которые не даютъ мнѣ покоя, и разрѣшеніе которыхъ пока темно для меня.

Вѣра въ государство, въ народъ, несмотря ни на что, во мнѣ преобладаетъ, но пока это лишь вѣра, а я хочу не только вѣрить, но и знать.

Дни свиданій не даютъ мнѣ много радости. Я радъ видѣть только Сашу и Юрія. Остальные мнѣ безразличны. Люди приходятъ вовсе не для меня, а для себя. Безъ нихъ спокойнѣе. Одиночество тюрьмы имѣетъ огромную прелесть, съ которой будетъ жаль разстаться. Она положительно нужна, когда хочешь сосредоточиться. Отрѣзанный отъ общественнаго дѣла, которое передъ этимъ заполняло все, вдругъ остаешься только съ самимъ собой и переживаешь все прошлое, и горечь невозвратнаго сжимаетъ горло и подступаетъ къ глазамъ. Только ее я хотѣлъ бы, безумно хотѣлъ бы видѣть и не увижу никогда. Я былъ бы счастливъ въ тюрьмѣ остаться надолго, если бы не дѣти. Да, ихъ я здѣсь видѣть не хотѣлъ бы, но не быть съ ними — это тяжелое горе. Общественность всегда заслоняла у меня личныя дѣла, семью. Теперь, когда общественность вырвана, оторвать и семью—это такъ больно. Еще теперь, когда дѣти не совсѣмъ выросли, жить съ ними огромное счастье. Потомъ у нихъ начнется своя жизнь и останешься одинъ, но теперь терять дни въ одиночествѣ долго—невозможно. Дѣти— это самое большое счастье, какое существуетъ въ личной жизни. Я вообще не могу видѣть равнодушно дѣтей ни своихъ, ни чужихъ, а маленькихъ въ особенности.

16 декабря.

Какъ это странно. Сегодня, идя на свиданіе не очень охотно (Саша не могла придти въ этотъ день) и увидавъ еле извѣстную

мнѣ г-жу, психіатра въ Шуваловѣ, которую я разъ или два видѣлъ раньше, я не понималъ, зачѣмъ она пришла ко мнѣ и даже досадовалъ, что этотъ неожиданный и ненужный визитъ оторвалъ меня отъ книжки. Возвращаясь къ себѣ въ камеру, я съ изумленіемъ встрѣтилъ въ коридорѣ маленькую дѣвочку 4—5 лѣтъ, которая съ беззаботнымъ видомъ и веселыми глазками прогуливалась подъ нашими мрачными сводами. Ребенокъ, гуляющій въ тюрьмѣ! Оказалась она дочкой одного изъ караульныхъ. Въ другой разъ я ее засталъ за чаепитіемъ. Она преважно сидѣла за столомъ, еле доставая до него своимъ подбородкомъ и дѣловито грызла кусокъ сахару, запивая чаемъ. Окружающее ее занимало мало. Она была не робкаго десятка и не обратила на меня ни малѣйшаго вниманія, когда я потрепалъ ее по щекѣ.

Мнѣ стало грустно, какъ никогда. Оставшись въ своей камерѣ одинъ, когда какъ-то особенно рѣзко щелкнулъ замокъ въ двери, я вдругъ понялъ всю глубину гнусности насильственнаго ареста и одиночнаго заключенія. Пассивность первыхъ дней начинаетъ проходить. Вѣроятно, въ дальнѣйшемъ станетъ чрезвычайно тяжело слышать этотъ щелкающій за тобой замокъ, видѣть свѣтъ въ этомъ высокомъ и тускломъ окошкѣ, упирающемся въ стѣну, оставаться среди этихъ глухихъ массивныхъ стѣнъ, куда не проходитъ ни единый звукъ съ воли.

17 декабря.

Да, одиночество хорошо. Оно необходимо въ иные моменты, оно пришло ко мнѣ во время, чтобы пережить и передумать все, что упало на голову за эти мѣсяцы. Но если бы можно было видѣть солнце, поля, если бы можно было уединиться не въ четырехъ стѣнахъ каземата подъ сводами тюрьмы, за запертой дверью. Насильственное одиночество можетъ стать мучительнымъ для всякаго, а для многихъ оно непереносимо съ самаго начала.

Вчера у меня не было даже прогулки. Ужъ не знаю почему. Потому ли, что взамѣнъ ея мнѣ предложили идти въ баню, или

просто забыли. Во всякомъ случаѣ я былъ радъ банѣ. Я люблю русскую баню. Она оказалась у насъ какъ разъ посреди дворика въ одноэтажномъ домѣ. Гарнизонно-крѣпостной уставъ былъ соблюденъ и въ предбанникѣ меня сторожилъ солдатъ съ ружьемъ. Онъ же прервалъ и мои души изъ бадьи. Баня не плоха, но очень грязна и плохо содержится. Полы прогнили, лавки грязны и т. д.

18 декабря.

Уже три недѣли прошло. Какъ незамѣтны онѣ и въ то же время какъ томительны. Безуміе хозяевъ Смольнаго все разрастается. Они думаютъ, что нанесли смертельный ударъ капитализму (или говорятъ это по крайней мѣрѣ, дурача другихъ), захвативъ банки. А въ результатѣ разрушивъ и частный, и государственный кредитъ, они лишь подготовляютъ намъ полную кабалу. Германскій капиталъ, организованный и сильный дешевымъ кредитомъ, легко захватитъ безъ соперниковъ всѣ наши рессурсы. Такой ходъ — тоже въ экономической конкуренціи, что на фронтѣ разрушеніе арміи. Кабала, кабала иноземной и безпощадной эксплоатаціи—вотъ, что ждетъ насъ. Чѣмъ больше разрушается наша промышленность и нашъ кредитъ, тѣмъ болѣе легкой добычей становимся мы для Германіи, превращаясь въ тотъ „навозъ славянскій", который нуженъ для культуры тощей нѣмецкой почвы. Боже, что за безуміе или предательство Смольнаго!..

Маленькая дѣвчурка становится болѣе частой посѣтительницей нашего коридора. Сегодня я слышалъ ея топанье и ея дѣтскій голосокъ за дверью. Когда мнѣ принесли посылку отъ Саши, она стояла и смотрѣла въ двери моей камеры. Я протянулъ ей леденцовъ, она взяла и повторила, что ей сказалъ караульный—„спасибо".

Въ капорѣ, изъ подъ котораго выбиваются льняныя кудри, въ шубкѣ и маленькихъ ботичкахъ, съ милымъ личикомъ и серьезными умными глазками, она стояла и смотрѣла на меня. Какія мысли пришли въ голову этому бѣдному ребенку, когда

запирали двери камеры, гдѣ она видитъ въ коридорѣ десятки запертыхъ дверей, за которыми сидятъ люди. Можетъ ли она не понять, а лишь почувствовать горе и ужасъ прошлаго и настоящаго этой тюрьмы. Какія впечатлѣнія эти стѣны и своды, эти, запертые въ клѣтки, люди заронятъ въ ея душу. Она еще слишкомъ мала, но я слышу сейчасъ въ коридорѣ ея вопросы. Она что-то спрашиваетъ у караульнаго. Не могу къ сожалѣнію разобрать ея лепета. Что она спрашиваетъ? Что они отвѣчаютъ? Гулкое эхо свода смѣшиваетъ ихъ голоса. Я слышу потомъ, какъ она начинаетъ бѣгать и играть. Но прошли ли вопросы безъ отвѣта, или подвижность ребенка прошла мимо нихъ? Топотъ ножонокъ затихаетъ вдали, больше ничего уже не слышно. Мертвая тишина каземата снова вступаетъ въ свои нарушенныя на минуту права. Тишина.

19 декабря.

А сколько въ этой тишинѣ мучительной неизвѣстности. Вчера узналъ отъ Саши, что помощникъ нашего коменданта Павловъ подвергъ наказанію А. В. Карташева, посадилъ его въ карцеръ и былъ очень грубъ, угрожалъ расправой. Всѣ министры объявили голодовку, требуя арестованнаго Карташева освободить. Никто изъ насъ не подозрѣвалъ обо всемъ происшедшемъ, иначе мы тотчасъ же присоединились бы всѣ къ протесту. Негодяи! Воскрешать карцеръ за письмо къ сестрѣ, карцеръ къ лишенному свободы, больному, нервному, несчастному, но твердому духомъ человѣку—какая низость, какое варварство. И все это происходило въ нѣмой тишинѣ, гдѣ глохнутъ всѣ звуки, гдѣ замираютъ всѣ протесты, гдѣ никто не знаетъ, что дѣлается съ его сосѣдомъ. Министры узнали о происшедшемъ съ Карташевымъ только на совмѣстной прогулкѣ. Мы же лишены этого и до сихъ поръ, гуляемъ поодиночкѣ. Почему? Не понимаю. Да, въ нашей тишинѣ и при теперешнихъ порядкахъ могутъ происходить молчаливыя трагедіи, безсмысленныя жестокости и издѣвательства. Вчера я видѣлъ во время свиданія Ф. Ф. Кокошкина. Онъ, бѣднякъ, поблѣднѣлъ и лицо

стало какъ будто немного одутловатымъ. Вотъ для его туберкулеза заключеніе дрянная штука. Вообще все же долго быть въ одиночкѣ, даже въ нашихъ удовлетворительныхъ условіяхъ, очень плохо для здоровья. Уже два дня какъ мнѣ не спится, не хочется ѣсть, голова тяжелая и пустая. Надо заставлять себя работать. Но, какъ у Romain Roland въ его Christoff, невольно бредетъ въ голову соблазнительный вопросъ: A quoi bon? Зачѣмъ? Для чего? Я понимаю, что это минутная слабость, но она хуже поднимающагося иногда протеста, безсильнаго, но тѣмъ болѣе мучительнаго.

20 декабря.

Въ первый разъ газеты принесли хорошія извѣстія. Панину отпустили. Правда, пришлось внести 93 тысячи и ихъ собирать по подпискѣ. Унизительная подачка большевистскому застѣнку, но она на свободѣ и это меня радуетъ. Выкупъ внесенъ, какъ разбойникамъ при похищеніи дорогихъ людей. Да и въ сущности большевизмъ вовсе не соціальная революція, ибо таковая вообще невозможна, а вооруженный грабежъ. Грабежъ капиталистовъ рабочими, грабежъ интеллигенціи невѣждами, грабежъ патріотовъ предателями, грабежъ Россіи германскими агентами. Чѣмъ ближе подвигаются событія, тѣмъ отвратительнѣе становятся ложь и лицемѣріе Смольнаго. Сегодня въ „Извѣстіяхъ“ невѣроятной наглости статья по поводу „непріемлемыхъ“ условій предложеннаго германцами мира. Идіоты или преступники только и могутъ писать такія статьи. Разрушивъ свою армію, уведя ее на войну противъ своихъ же гражданъ, лицемѣры кричатъ теперь и взываютъ къ германскимъ солдатамъ! Эти-то не будутъ слушать изступленныхъ или подкупленныхъ приверженцевъ мира на внѣшнемъ фронтѣ. Господи, какой чудовищный обманъ, какая гнусность!

Число заключенныхъ увеличилось у насъ, вѣроятно, очень значительно. Моя прогулка сегодня состоялась только въ пять часовъ дня. Сумерки уже были вполнѣ. Темно-сѣрое небо точно спускалось надъ нашимъ дворикомъ, золотая игла собора виднѣ-

лась въ надвигающейся темнотѣ, веселыхъ голубей не было давно уже, и только изрѣдка на деревьяхъ каркала не заснувшая еще галка. Въ дворикѣ было почти совсѣмъ темно; фигуры часовыхъ еле были замѣтны у крыльца; дымъ изъ трубъ, спускаясь внизъ, наполнялъ воздухъ буроватымъ, горькимъ туманомъ. Я кружился вдоль стѣнъ безъ мысли, машинально и тихо.

21 декабря.

Кончилъ, наконецъ, 10 томовъ Jean Christoff. Постараюсь ограничить мою литературную пищу. Горе другихъ, даже вымышленное горе, терзаетъ меня. Каждая строчка будитъ воспоминаніе о собственной потерѣ, часто я не могъ читать совсѣмъ и какъ ребенокъ рыдалъ. Какъ это глупо, Боже мой, быть такимъ слабымъ, переживать вымыселъ, какъ собственную жизнь. Но что же дѣлать, если не могу до сихъ поръ овладѣть собой и малѣйшее прикосновеніе къ моей утратѣ дѣлаетъ боль невыносимой. Когда Саша принесла фотографію нашей группы, снятой въ апрѣлѣ, я не могъ рѣшиться взять ее съ собой въ камеру. Я рыдалъ бы надъ ней всѣ дни, такъ тяжело видѣть этотъ былой отзвукъ всей нашей семьи, теперь разбитой и пустой безъ нея. Я еле могъ сказать Сашѣ, чтобы она унесла фотографію. Это, очевидно, реакція наконецъ упавшаго напряженія. Надо же взять себя въ руки снова.

Какъ хорошо было гулять сегодня. Было пасмурно, шелъ мягкими, пушистыми хлопьями снѣгъ, и его бѣлая пелена покрыла всѣ дорожки и деревья во дворѣ. Было жаль уходить опять подъ своды тюрьмы.

Наша стража, видимо, частью перемѣнилась. Много новыхъ, совсѣмъ простецкихъ лицъ. Одинъ изъ дежурныхъ во дворѣ спросилъ меня: „А скоро замиримся? Мы вотъ только съ позиціи пріѣхали, изъ подъ Тарнополя. Тутъ у васъ ничего не разберешь!“

А сегодня отыскался землякъ изъ села Хлѣвнаго, Задонскаго уѣзда. Онъ отворилъ дверь камеры и долго разговаривалъ со мной. Вся его душа тамъ, въ деревнѣ, гдѣ у отца, не-

смотря на 60 л. до сихъ поръ не просыхаетъ спина отъ работы, гдѣ хлѣба много, „поскольку лѣтъ въ скирдахъ стоитъ“ и гдѣ мечты „объ уравненіи“ кажутся такими безсмысленными. Мой землякъ, видимо, не искушенный Питеромъ, съ отвращеніемъ разсказывалъ о грабежахъ солдатъ, которые производятъ обыски, и о стремленіи отнять у людей плоды ихъ труда. Его отношеніе къ большевикамъ очень неясное. И онъ жаждетъ мира всей душой, но его идеалы противоположны Смольнымъ реформаторамъ. Кончилъ онъ курьезно: „Я не знаю, кажется, здѣсь долго разговаривать не дозволяется?“ повернулся и заперъ дверь.

А вечеромъ впервые въ коридорѣ шла картежная игра, судя по хлопанью картъ по столу и шумному разговору.

Впрочемъ, часамъ къ 10 все стихло попрежнему, но не надолго. Очевидно, ходили ужинать. А затѣмъ картежъ и шумъ продолжались задолго послѣ полуночи.

22 декабря.

Сегодня разговорчивый дежурный караульный. Утромъ, войдя съ лампой въ камеру и поздоровавшись, онъ сказалъ: „Камера холодная, сырая. Вѣрно дежурный былъ лѣнивъ, плохо топилъ“. Затѣмъ, когда я уже умывался онъ принесъ кипятокъ, поставилъ его на столъ и, подойдя ко мнѣ, дружески похлопалъ по плечу и утѣшилъ: „Скоро освободитесь!“—Не думаю, сказалъ я.— „Мы ждемъ переворота со дня на день“. И ушелъ. Выговоръ съ рѣзкимъ какимъ-то инородческимъ акцентомъ: литовецъ, латышъ? Принеся сахаръ, онъ вновь заговорилъ, но уже на другую тему. Въ этой самой камерѣ была Вырубова, пока ее выпустили, а рядомъ—Сухомлинова, а въ самой послѣдней—(72-й) Воейковъ. „Хорошіе предшественники!—подумалъ я. Но вѣдь они просидѣли болѣе 7 мѣсяцевъ. Сколько разъ поднимали мы вопросъ объ ускореніи надъ ними суда, или освобожденіи ихъ, если нѣтъ уликъ. Керенскій, Переверзевъ, Зарудный боялись караула, боялись Совѣтовъ р. и с. д., боялись общественнаго мнѣнія и въ концѣ-концовъ, уже послѣ нашего ухода,

все-таки провели законъ, которому мы всячески противились, о внѣсудебныхъ арестахъ. И на основанiи этого закона держали ихъ въ тюрьмѣ, уже не стѣсняясь. Упреки „Правды", что и Временное Правительство примѣняло насилiе, конечно, вѣрны. Параличъ суда, чему виною, по моему, А. Ф. Керенскiй, былъ одной изъ причинъ болѣе быстраго разложенiя порядка, хотя бы и революцiоннаго.

Сегодня прогулка была ранняя. Солнце, наконецъ-то снова я вижу солнце и голубое небо. Снѣгъ и морозъ окончательно закрыли мнѣ окошко камеры. Я думалъ, что на дворѣ сумрачно и туманно, а когда вышелъ, я былъ пораженъ картиной нашего двора. Какая сегодня красота. Небо ясно-голубое. Солнце золотитъ своимъ блескомъ одну изъ стѣнъ, снѣгомъ покрытую крышу и верхушки деревьевъ. Всѣ вѣтви увѣшаны искристыми шапками пушистаго снѣга, стоятъ словно разубранныя въ праздничный нарядъ. Отъ мороза снѣгъ хруститъ подъ ногами и воздухъ чистый и густой. Хочется дышать, хочется не спускать глазъ съ голубого неба, гдѣ острой иглой и блескомъ золота сверкаетъ шпиль колокольни. Бодрый и радостный возвратился я съ прогулки. Но этимъ не ограничилась радость сегодняшняго дня. На свиданiе вмѣстѣ съ Сашей пришла С. В. Панина и что уже было совсѣмъ праздникомъ — это увидѣть въ комнат Ф. Ф. Кокошкина, В. А. Степанова и ихъ посѣтителей. Такъ весело, такъ шумно провели мы время, какъ никогда. Только здѣсь цѣнишь всю прелесть общенiя съ людьми, которыхъ любишь. Хотя все это продолжается нѣсколько минутъ, но эти минуты лучше многихъ монотонныхъ дней.

Сегодня въ коридорѣ гуляетъ опять наша маленькая гостья. Оказывается, эта дѣвчурка—дочка нашего сегодняшняго караульнаго. Онъ попрежнему очень любезенъ со мной. Самъ подметалъ мою камеру, спросилъ, я ли тотъ Шингаревъ, который былъ въ Думѣ и много заступался за народъ. „Мы читали ваши рѣчи", сказалъ онъ въ заключенiе.

Одинъ изъ провожавшихъ меня сегодня на свиданiе солдатъ оказался знакомымъ Зарудина, зналъ Олю и Фроню,

называлъ меня А. И. Послѣ двухъ предыдущихъ дней сегодня точно особый праздникъ. Получилъ письмо отъ П. А. Садырина. И онъ пишетъ, что вѣритъ въ торжество русскаго народа, который вынесъ монархическій деспотизмъ, перенесетъ и деспотизмъ большевистскій. И я вѣрю, и всѣ вѣрятъ. А все же, какъ жестоко будетъ разочарованіе и какъ тяжко будетъ страдать народъ отъ большевистскаго похмелья. Вечеромъ, какъ и во весь день, было много развлеченій. Пришли мыть камеру два солдата. Мы оказались выпущенными въ коридоръ. Я бесѣдовалъ съ Долгоруковымъ. Онъ выглядитъ молодцомъ. Устроилъ у себя ванну (резиновый тазъ) и каждый день моется, завелъ лампу и проч.

Съ другой стороны у меня оказался Громовъ. Кто такой Громовъ? Спросилъ у меня, появилось ли его письмо въ печати.—Я его не видалъ—отвѣтилъ я. Оказывается, ему газетъ не даютъ. Все время въ коридорѣ была моя дѣвчурка. Оказывается, ее зовутъ Руть (Руѳь?), ея отецъ—эстонецъ, и ей 4 года. Когда приносили ко мнѣ въ камеру ужинъ, она тоже пришла, уже безъ своего чепчика. Славная головка съ льняными волосами и темными глазами. Яблоко привело ее въ восторгъ. Мы сдѣлались друзьями, и она показала мнѣ свою игрушку: маленькую стеклянную банку. Игрушка такъ же бѣдна, какъ и ея мѣсто прогулокъ — тюремный коридоръ. Видѣть у себя въ гостяхъ такую крошку — это цѣлое событіе въ нашей жизни одиночнаго заключенія.

23 декабря.

Солнце, солнце и сегодня. Верхушки деревьевъ и дымъ изъ трубъ свѣтятся нѣжно-розовымъ блескомъ. Золотая игла матово посеребрена инеемъ. Небо отъ мороза ясное и высокое. А въ камерѣ снѣгъ и морозовые узоры совсѣмъ закрыли стекла. Темно, сумрачно. И не думаешь, какъ хорошо наружѣ.

24 декабря.

На дворѣ метель. Даже у насъ, въ нашемъ маленькомъ дворѣ, сугробы снѣга. И снѣжная пыль залѣпляетъ глаза. Мое окно

тускло совсѣмъ. Въ камерѣ холодно, и руки стынутъ, когда читаешь или пишешь.

Принесли отъ Саши посылку и письмо отъ папы. Это единственная вѣсточка изъ внѣшняго міра. Я спокоенъ теперь, такъ какъ Юрій пріѣхалъ въ Воронежъ и вмѣстѣ съ сестрами.

Сочельникъ. Какъ весело когда-то проводили этотъ день у насъ, когда вечеромъ дѣти собирались за елкой, пѣли, вертѣлись кругомъ. Я помню ихъ совсѣмъ маленькими. Ихъ надо было брать на руки, чтобы показать елку. Потомъ они вырастали, и все же ихъ радость была такъ ясна и такъ свѣтла...

Какъ глупо начальство тюрьмы. Мнѣ Саша принесла елочку, но ее не разрѣшили передать. Какая ненужная и безсмысленная дисциплина. Все же въ мѣшкѣ съ провизіей осталась одна маленькая вѣточка, совсѣмъ крошечная, а потомъ мнѣ передали и восковую свѣчку. Я разрѣзалъ ее на четыре куска, устроилъ елку и зажегъ. Она горитъ у меня на столѣ своими дѣтскими огнями... А слезы невольно катятся по щекамъ. Какое ужасное слово никогда!..

Да, никогда не вернутся эти прежніе дни, когда мы были всѣ вмѣстѣ. Какъ много отнято у дѣтей, особенно у дѣвочекъ. Какъ они проживутъ безъ матери, пока выростутъ? Какъ замѣнить имъ мать? Развѣ это мыслимо... Огоньки моей елочки горятъ. Я думаю о тѣхъ, кого здѣсь нѣтъ. О тѣхъ, кто дороже всѣхъ, и о той, которую уже никогда, никогда не увижу. Всего три мѣсяца вчера прошло со дня ея смерти. Три мѣсяца мучительной, безнадежной тоски.

25 декабря.

Писать не хочется. Солнечный морозный день, совсѣмъ какъ святочный въ Воронежѣ, невольно манитъ вонъ изъ тюрьмы. Что-то случилось съ нашими кухарями. Для праздника насъ оставили безъ горячаго обѣда и выдали лишь по банкѣ консервовъ. Эта мелкая незаботливость (?) все же меня огорчила не за себя только, а за всѣхъ запертыхъ здѣсь въ клѣткахъ. Ѣсть мнѣ вовсе не хочется да и скучно ѣсть одному, но эта не

то случайность, не то намѣренная небрежность администраціи, такъ чувствительна потому, что лишенные свободы вообще чувствительны ко всякой мелочи, къ тону голоса, къ жесту, къ малѣйшей небрежности ихъ содержанія. Поэтому такъ часты всякія исторіи и волненія въ тюрьмахъ. А тутъ на первый день Рождества оставить фактически безъ обѣда людей, запертыхъ въ каменныхъ холодныхъ стѣнахъ—злая небрежность или гадкій умыселъ обидѣть баззащитныхъ. У меня все есть, я сытъ, но вѣдь здѣсь у многихъ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ въ Петроградѣ. Каково имъ на первый день праздника получить кусокъ чернаго хлѣба и ложку холодной каши. Мнѣ было больно за другихъ. Консервы я не люблю и спокойно отдалъ ихъ назадъ солдату.

Вѣроятно, съ провизіей трудно. За послѣднюю недѣлю четыре раза уже у насъ былъ пустой супъ, гдѣ было немного муки, соли, иногда капусты или тоненькихъ ломтика (2—3) соленаго огурца. Очевидно, продовольствіе окончательно разстраивается. Неужели гарнизонъ такъ можетъ питаться? Но тогда почему же вчера вечеромъ приходилъ какой-то чинъ спрашивать меня, не желаю ли я перейти на столъ „общественной" столовой. Значитъ, все же есть болѣе хорошая пища за деньги. Я отказался. Мнѣ ничего больше не надо. Всего, что мнѣ приносятъ, мнѣ больше чѣмъ достаточно. Мы все время обмѣниваемся съ Долгоруковымъ всякой провизіей, и онъ такъ добръ, что часто, идя съ прогулки, подходитъ къ моей двери и здоровается. А я всегда забываю это дѣлать. Одинъ разъ попробовалъ, но солдатъ сказалъ, что это не позволяется. Пусть такъ.

Какъ-то провели этотъ день въ Воронежѣ мои дочурки и Юрій? Какъ рѣдко вижу ихъ я во снѣ. И чѣмъ больше хочется ихъ увидѣть, тѣмъ больше ихъ образы исчезаютъ изъ сновидѣній. Никого, кого хотѣлось бы видѣть хотя бы во снѣ, не вижу я въ эти дни. И напряженіемъ воли этого не добьешся. Сонъ наступаетъ тогда, когда воля спитъ.

26 декабря.

Какъ это смѣшно. Намъ выдали „праздничную“ колбасу, больше, чѣмъ по фунту на человѣка. Все же хотятъ этимъ „подкрасить“ наше житіе. Солдатъ производилъ эту операцію съ довольнымъ видомъ. Однако горячаго намъ все же не дали. Около 2-хъ час. принесли только одну ложку холодной гречневой каши. Причины кухонной „забастовки“ мнѣ остаются неизвѣстными. Колбаса точно нафарширована солью. Сегодня не только безъ обѣда, но и безъ прогулки. Это послѣднее много чувствительнѣе. Въ камерѣ очень надоѣдаютъ мнѣ сердцебіенія. Прежде они были такъ рѣдки, теперь, видимо, процессъ склероза за послѣдніе два мѣсяца очень подвинулся впередъ. Это такъ понятно. Первые сѣдые волосы появились у меня послѣ смерти Оги, теперь очередь за сердцемъ. Богъ съ нимъ. Я ничего не имѣлъ бы противъ прекращенія его неугомонной работы. Я никогда не боялся смерти. Два раза она заглянула мнѣ въ глаза, и я оставался спокойнымъ. Послѣдній разъ это было, когда меня душилъ дифтеритъ въ 1895 г., но тогда мнѣ почти нечего было терять... А теперь... Я спокойно кончилъ бы свое земное бытіе, но дѣти!.. Я не знаю, что я имъ даю и дамъ, но все же хочется вѣрить, что со мной имъ будетъ легче прожить юные годы. Да, пока Аленушкѣ будетъ 20 лѣтъ, вотъ этотъ срокъ (9—10 лѣтъ) я хотѣлъ бы имѣть передъ собой. Больше мнѣ, лично мнѣ ничего не надо.

Дастъ ли мнѣ этотъ срокъ судьба и склерозъ?

Шура пришла на свиданіе. Пришелъ и Николай. Онъ пока не ропщетъ на судьбу; кажется, доволенъ. Но вотъ бѣда: письма изъ Воронежа не приходятъ совсѣмъ. Юрій ѣхалъ два дня, не выходя изъ вагона, не ѣвши и не пивши. В. Кривцовъ изъ Воронежа пробирался четыре дня сюда и измучился. Теперь я за Юрія спокоенъ, но безпокоюсь о Володѣ. Его выбрали въ батареѣ, какъ разсказывалъ Брянчаниновъ Сашѣ. Выбрали очень немногихъ офицеровъ, и всего трое остались на фронтѣ у нихъ. Всѣ остальные уѣхали. Брянчаниновъ, какъ „солдатъ“ стараго

года, уволенъ въ отставку. Бѣдный Волька. Съ такой „привилегіей“ среди солдатъ остаться почти одному не легко. Какъ тоскливо и одиноко ему теперь тамъ. Шура надѣется какъ-то его выцарапать сюда. Если бы это удалось. Я не могу быть теперь спокойнымъ за него, пока онъ не уѣдетъ оттуда. Саша все же хочетъ добиваться перевода меня въ больницу. Зачѣмъ? Объ этомъ говорилъ мнѣ вечеромъ и И. И. Манухинъ, зайдя ко мнѣ въ камеру. Говоритъ, что я выгляжу плохо.

Все-же „Красный Крестъ“ не оставилъ меня и другихъ заключенныхъ своей заботой. Къ вечеру намъ дали горячій супъ. Но, говорятъ, что и наша караульная команда безъ горячаго обѣда. Это уже совсѣмъ плохо. Я сказалъ объ этомъ Манухину. Ихъ столовая еле справилась съ пищей для заключенныхъ. Но почему нѣтъ обѣда? Празднуютъ повара? Странно. Нѣтъ провизіи? Но тогда, какъ же достаетъ ее „Красный Крестъ“—непонятно.

27 декабря.

Сегодня, какъ и вчера, предложили прогулку, когда еще было темно... Не пошелъ. Просижу и сегодня безъ воздуха. Очередь Долгорукова пришлась передъ обѣдомъ. Это самое лучшее время. Онъ выглядитъ молодцомъ. Я его видѣлъ вчера—у насъ одновременно было свиданіе. Къ нему приходила Юрьева. Я получилъ письмо отъ Николая Ивановича А. Онъ, какъ всегда, деликатенъ и мягокъ. Пишетъ, что наши стѣсняются что-либо рѣшительное предпринимать, боясь намъ повредить. Это напрасно. Намъ повредить нельзя. Пока большевики у власти, мы будемъ сидѣть; когда ихъ прогонятъ, мы будемъ свободны. Но впрочемъ, что могутъ наши теперь сдѣлать рѣшительнаго? Ничего. Еще одинъ „рѣшительный протестъ“, которыми полны газеты. Большевики, какъ нѣмцы, понимаютъ лишь одинъ аргументъ—силу. Пока ея нѣтъ, разговаривать съ ними безполезно. Взывать къ обществу къ гражданамъ—да это можно. Я это дѣлалъ все время, пока былъ на свободѣ, но какъ мало это значитъ въ ходѣ событій. Карташевъ въ своемъ письмѣ пра-

вильно заговорилъ объ основной мысли „Войны и мира“— ничтожности результатовъ усилій отдѣльныхъ, даже геніальныхъ, людей. Я уже во многихъ подмѣчалъ то же наблюденіе и самъ его какъ-то написалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Да, иная Воля движетъ этими массами людей и иной Разумъ, но мы не знаемъ ихъ и не видимъ ихъ намѣреній.

Какъ удивительно. Вчера я такъ безпокоился о Володѣ, а сегодня меня вызвалъ на свиданіе матросъ и, идя по коридору, сказалъ: „Просили вамъ передать, чтобы вы не волновались, когда увидите вашего сына съ фронта...“ Когда вчера я писалъ эти строки о Володѣ, онъ уже былъ здѣсь, проѣхавъ двое сутокъ почти безъ ѣды, при 23° морозѣ въ вагонахъ съ выбитыми стеклами, въ легкой шинели. Получивъ отпускъ на пять недѣль, онъ прямо пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть меня. Славный мальчикъ! Онъ остался одинъ адъютантомъ въ дивизіонѣ, одинъ, выбранный солдатами, и храбро жилъ въ одиночествѣ среди разложившагося фронта. Что за ужасы происходятъ тамъ. Грабежи, убійства, гибнущія лошади, расхищаемое на сотни тысячъ имущество, безначаліе, торговля съ нѣмцами за водку. Что пришлось ему пережить, перестрадать, видя разбитыми свои первыя юныя мечты о борьбѣ съ врагомъ родины. И все же онъ вѣритъ. И все же онъ только крѣпче беретъ себя въ руки.— Пока я спокоенъ и за него и за остальныхъ. Надолго ли? Что мы знаемъ, если вчера я волновался, а онъ сидѣлъ у Шуры?

28 декабря.

Опять утромъ прогулка. На этотъ разъ долженъ былъ идти, чтобы не сидѣть опять цѣлый день безъ воздуха.

Административная машина управленія, видимо, въ чемъ-то испортилась въ нашемъ бастіонѣ. Сегодня опять не было обѣда и только въ 4 часа принесли изъ „Народнаго Дома“ хорошій супъ, солянку изъ капусты и картофельный пирогъ. Ого! такого обѣда еще не было у насъ. Это все „Красный Крестъ“ старается. Но что случилось съ нашимъ крѣпостнымъ продовольствіемъ? Не понимаю. Какъ питается гарнизонъ? Что-

то непріятное скрывается за этой праздничной „забастовкой“ кухни.

Принесли въ первый разъ газеты послѣ трехдневнаго промежутка. Вновь появились сообщенія объ обсужденіи вопроса о созданіи „революціонной“ арміи, о всеобщей мобилизаціи для борьбы съ германскими имперіалистами.

Вотъ уже подлинно и глупость и измѣна: сначала развалить армію, разрушить ее, лишить командлаго состава, натравить другъ на друга, заставить брататься съ нѣмцами, остановить производство всей военной промышленности, докончить разрушеніе транспорта и затѣять гражданскую войну внутри государства, проклинать „оборонцевъ“ въ теченіе 10 мѣсяцевъ и затѣмъ вдругъ открыть, что надо бороться съ наглостью германскаго имперіализма и вновь мобилизовать „революціонную“ армію,— что это такое?

Можно въ бѣшенство придти отъ этой сверхъестественной лжи или бездны непониманія. Я бѣгалъ изъ угла въ уголъ по камерѣ долго, долго, прежде чѣмъ начать опять читать газеты.

Тяжело сидѣть теперь здѣсь безсильнымъ читателемъ газетныхъ новостей.

29 декабря.

Опять утромъ звали на прогулку. Полный безпорядокъ въ очередяхъ. Я не пошелъ и тщетно, кажется, пытался объяснить солдатамъ нелѣпость такого „порядка“. Они подъ-рядъ предлагаютъ утромъ прогулку цѣлому нашему коридору, почти всѣ отказываются и остаются безъ прогулки. Между тѣмъ долженъ терять прогулку только тотъ, чья очередь идти рано утромъ. А другіе должны идти въ ихъ очередь, а не быть всѣ лишены прогулки. Потерять одинъ день въ недѣлю не бѣда. Но терять ихъ каждый день подъ-рядъ нелѣпо. Меня понять или не могли или не хотѣли. Что имъ до нашей прогулки: лишніе четверть часа зябнуть у дверей, пока мы бѣгаемъ кругомъ стѣны внутренняго двора. Наши и ихъ интересы различны. А теперь вѣдь время интересовъ и торжество классовой политики.

Увидимъ, что будетъ дальше. Но я уже чувствую начинающуюся оппозицію къ установившемуся порядку. И все это началось съ перваго дня святокъ. Конечно, на то и тюрьма, чтобы люди цѣнили свободу; но вѣдь и они, творящіе теперь власть, вырвались на свободу изъ тюрьмы и вмѣсто почтенія передъ свободой дали волю своей мести и заполнили тюрьмы своими политическими противниками.

Такъ идетъ человѣческая сказка: былъ дворъ, на дворѣ колъ, на колу мочало... начинай съ начала.

Утренніе безпорядки въ теченіе дня уладились. На прогулку пустили въ 11 час., обѣдъ принесли во́-время. Володя принесъ письма отъ дѣвочекъ отъ 20-го, а вечеромъ изъ Народнаго Дома принесли на ужинъ супъ и даже второе блюдо. Словомъ, вечеръ вышелъ мудренѣе утра.

На дворѣ здоровый холодище. Голуби подмерзли и два изъ изъ нихъ солдатами взяты въ коридоръ отогрѣться. Въ камерахъ прохладно, руки мерзнутъ писать и долго читать (держать книгу). Хорошо согрѣться горячимъ чаемъ, но хорошо все же было и погулять на воздухѣ, хотя было не менѣе 23° мороза. Окна у меня стали плакать, на нихъ даже изнутри уже намерзаетъ вода и при топкѣ печи течетъ по стѣнѣ. Говорятъ, что въ городѣ „на вольныхъ“ квартирахъ и того еще хуже. Очень холодно, и дровъ нѣтъ.

Что-то будетъ дальше?

30 декабря.

Утромъ опять требуютъ идти на прогулку. Вотъ путаница. Сегодня, кажется, такъ и останусь безъ воздуха. Къ тому же сегодня баня. Удовольствіе рѣдкое и неравноцѣнное, но все же удовольствіе.

И. И. Манухинъ зашелъ ко мнѣ съ какой-то дамой и между прочимъ сообщилъ, что меня переведутъ въ больницу. Мнѣ будетъ грустно мѣнять свою камеру на новую. Мнѣ будетъ грустно оставлять Долгорукова здѣсь одного. Мнѣ грустно выходить отсюда не на свободу, а лишь въ новое мѣсто за-

ключенія. Но всѣ на этомъ настаиваютъ, всѣ, и особенно Саша; думаютъ, что такъ будетъ лучше. Пускай. Несвободный, я сталъ пассивнымъ.

Во время свиданія Вѣра Давидовна разсказывала о томъ, что творится въ городѣ, въ банкахъ, въ семьяхъ. Безумная дороговизна (картофель 1 р. фунтъ, мука пшеничная 3 р. 80 коп. фунтъ, плитка шоколада 10 р. и т. д.). Денегъ нѣтъ у пенсіонеровъ, чиновниковъ, домовладѣльцевъ, рантье, интеллигентныхъ тружениковъ. Проценты не платятъ, вещей въ залогъ не принимаютъ и т. д. Жизнь разрушается съ чудовищной быстротой,—жизнь, организованная и культурная. На смѣну идетъ хаосъ. Что въ немъ погибнетъ, что изъ него выйдетъ? Кто угадаетъ это теперь. Д. Протопоповъ въ „Русск. Вѣдом." мечтаетъ о національномъ движеніи великороссовъ, Б. Савинковъ—о государственности, идущей съ Дона. Никто, какъ слѣдуетъ, ничего не понимаетъ, и всѣ лишь съ ужасомъ и изумленіемъ слѣдятъ за разрухой, принявшей гомерическіе, фантастическіе, нигдѣ не виданнные, не бывавшіе въ исторіи размѣры.

31 декабря.

Послѣдній день стараго года и к а к о г о г о д а! Я помню, что въ прошломъ году для наступающаго новаго года я высказалъ въ статьѣ пожеланіе, чтобы въ 1917 г. получили, наконецъ, осуществленія тѣ стремленія 17 октября 1905 года, которыя остались невоплощенными въ жизнь. Какъ далеко современная дѣйствительность опередила эти пожеланія и въ то же время какъ она ихъ разбила, какъ тиранія кучки замѣнила тиранію стараго содержанія. Но эта новая тиранія, не признанная массою населенія, не только его угнетаетъ, но и разрушаетъ страну, разбиваетъ наши самыя лучшія надежды на демократію... Этотъ же годъ разбилъ и мою личную жизнь. Страна, я вѣрю, вырвется изъ новаго гнета и неминуемаго чужеземнаго ига. Мнѣ никогда не склеить разбитаго навѣки и отнятаго полнаго уюта семьи съ Фроней. Вотъ личный итогъ. И если такъ много надежды у меня на предстоящій годъ для

Россіи, для себя прошлаго ничѣмъ не возмѣстишь. Боль то утихаетъ, то обостряется. Пройти она не можетъ. Итоги прошлаго подведены сурово и внезапно. Будущее можетъ добавить много горя, если исторія этого года повторится и въ наступающемъ. Для страны и для себя лично я желалъ бы одного и того же въ наступающемъ году: полной возможности мирной и спокойной созидательной работы. Для страны, чтобы залѣчить нанесенныя войной и революціей раны. Для себя я излѣченія не жду, но жить безъ свободной работы — это медленно умирать. Жизнь, сведенная къ житію,— ужасна.

Какъ хотѣлось бы повидать дѣтей, хотя немного отдохнуть среди нихъ и приняться за работу, не разставаясь съ ними. Какъ жаль даже эти немногіе дни сидѣть безсмысленно и безплодно здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ. Я не знаю, скоро ли кончится это глумленіе надъ свободой, эта жестокая и нелѣпая, по существу безцѣльная борьба съ миѳическими контръ-революціонерами, но я знаю хорошо: она не вызываетъ во мнѣ личной злобы, но надолго оставитъ жгучую горечь и боль за поруганіе идейныхъ основъ свободнаго государства. Какъ много было прекрасныхъ надеждъ въ прошлые годы, которыя такъ жестоко разбивались дѣйствительностью. Теперь надеждъ немного, и онѣ очень скромны. Но оправдаетъ ли и ихъ дѣйствительность наступающаго года. Событія, повторяющіяся въ столѣтія разъ, необъятныя по своимъ послѣдствіямъ и невиданныя въ Исторіи по своимъ размѣрамъ, въ Россіи пришлись на долю поколѣнія безъ большихъ, геніальныхъ людей. „Народная" война, народная революція безъ героевъ, съ одной толпой, безъ плана и системы, съ одними рефлексами, какъ всегда въ толпѣ,— вотъ что заполняетъ передъ глазами современниковъ весь горизонтъ. Намъ не видно просвѣта, и никто не ведетъ по дорогѣ, да и некому вести. Больше, чѣмъ когда-либо, мы имѣемъ дѣло съ исторіей массъ, и нѣтъ исторіи лицъ. Меньше, чѣмъ когда-либо, можно предвидѣть ближайшее будущее...

А какъ одиноко и грустно такъ встрѣчать Новый годъ. Дол-

горуковъ обѣщалъ мнѣ постучать въ 12 часовъ въ стѣну. Это единственное общеніе, намъ доступное въ канунъ наступающаго года.

1918 г. 1 января.

Новый годъ. Но первый день прошелъ для насъ хмуро. Если бы не два письма,—одно, какъ всегда трогательное своей заботливостью быть поданнымъ въ срокъ,—отъ А. М. Петрункевичъ, Паниной и пр. компаніи на Сергіевской, а другое отъ неизвѣстной, именующей меня „учителемъ“ (?), весь день былъ бы отмѣченъ ординарностью и скукой. Гулять мнѣ пришлось очень поздно, когда уже стемнѣло. Въ камерѣ было холоднѣе, чѣмъ когда-либо, и стѣна у окна покрылась потоками воды. Ноги мерзли и руки стыли за письмомъ. Картины французской революціи эпохи 1791—93 г. вызывали тоску и такъ характерно опредѣлялись словами г-жи Роланъ на эшафотѣ: „О свобода, сколько преступленій совершено во имя твое!“ и даже по-итальянски я переводилъ (такой ужъ чередъ подошелъ) строфы изъ Дантовскаго ада. Надѣюсь, на нашемъ бастіонѣ не стоятъ его трагическія слова „Lasciate ogni speranza voi ch'entrate“. Но все вмѣстѣ взятое наводило на грустныя думы. Еще ночью, послѣ дружескаго поздравленія Долгорукова, я былъ разбуженъ шумомъ и криками въ коридорѣ. Кого-то опять привели. Но ужъ я никакъ не ожидалъ того, о чемъ я узналъ днемъ: солдатъ сказалъ, что арестовали все румынское посольство. Это что-то невѣроятное. Это ужъ не сумасшествіе междоусобной войны, а дикая выходка, могущая быть внушенной только германцами. Только Германіи выгодно возстановить противъ Россіи и ея безумствъ всѣхъ нашихъ союзниковъ и создать намъ наибольшее число ярыхъ враговъ. Тогда Германія одна станетъ насъ эксплоатировать и угнетать. Какое это чудовищное, невѣроятное происшествіе. Въ томъ, что у насъ дѣйствительно появились арестованные румыны, я убѣдился самъ. Около 2 ч. дня въ коридорѣ раздался крикъ. Съ неправильнымъ акцентомъ кто-то кричалъ: „Я—румынскій офи-

церъ, вы не можете меня“... Дальше я разобрать ничего не могъ. Но неужели арестовано посольство и посолъ? Солдатъ опредѣленно утверждаетъ, что это такъ, добавляя: „Что только творится. Что только творится у насъ!..“

2 января.

День неожиданныхъ сюрпризовъ и неудачъ. На прогулку вызвали рано. Я еще съ утра замѣтилъ въ своемъ окошкѣ блескъ свѣта. Значитъ солнце. Я, радостный, вышелъ. Да, въ коридорѣ было солнце, но было и другое: дверь къ Долгорукову была отперта, и онъ тоже одѣвался, а дальше мы встрѣтили Кокошкина, Авксентьева и Степанова. Ура! Наконецъ-то совмѣстная прогулка. Нѣтъ больше одиночнаго блужданія вдоль стѣнъ и созерцанія золотого шпица собора. Минуты пробѣжали незамѣтно. Я впервые узналъ отъ Степанова, что и онъ попалъ сюда изъ-за несчастной ошибки. Вмѣсто бумагъ мнѣ должны были принести пирогъ, который хотѣлъ мнѣ передать Молчановъ. Попали бумаги, дальше обыскъ въ моей камерѣ, дальше переполохъ нашихъ дѣвицъ, ихъ поѣздки въ Смольный, ихъ полный разсказъ тамъ. Дальше обыскъ у Молчанова въ то время, какъ тамъ ночевалъ Степановъ, и его арестъ. Вотъ путаница приключеній, достойная Дюма и Конанъ-Дойля. Даже повѣрить трудно, что могутъ быть такія сплетенія обстоятельствъ.

По поводу исторіи съ арестомъ румынскаго посольства Кокошкинъ не вѣритъ. Быть можетъ арестованъ только какой-либо офицеръ, работающій съ радой? Однако разсказъ объ арестѣ посольства вновь мнѣ подтвердилъ солдатъ-парикмахеръ, который меня сегодня стригъ. Онъ добавилъ и еще одну новость. На Ленина было покушеніе. Да, это понятно. Они могутъ вызвать злобы не меньше дѣятелей царизма. А исполнители-фанатики всегда найдутся. Ужасно, какъ все тѣ же средства являются въ рукахъ людей въ борьбѣ со своими врагами. Никакихъ подробностей я еще не знаю. Солдатъ, видимо, либо самъ не знаетъ, либо боялся сказать. Завтра будутъ газеты. Печальной новостью было лишеніе свиданія. Я такъ ждалъ Сашу

и Володю. Оказывается, у насъ былъ пожаръ на складѣ патроновъ, и свиданія отмѣнены. Въ крѣпость никого не пускали. Вечеромъ говорили, что пожаръ потушенъ.

3 января.

Сегодня снова безъ свиданій. Объясненія „пожаромъ"—выдумка. Просто-напросто нашъ начальникъ Павловъ мститъ за покушеніе на Ленина представителямъ буржуазіи. Какая эта гнусность издѣваться надъ заключенными такимъ образомъ. Такъ досадно ни вчера, ни сегодня не повидать Сашу и Володю и теперь ждать до пятницы, если „товарищъ" Павловъ надумаетъ разрѣшить свиданіе. А повидимому все покушеніе на Ленина подстроено, такъ же, какъ подстроена вся исторія съ румынскимъ посольствомъ. Мои догадки о рукѣ Германіи въ этой продѣлкѣ подтверждаются: судя по газетамъ, ареста потребовалъ Троцкій изъ Бреста!

Доколѣ, о Господи! Сегодня на прогулкѣ мы бесѣдовали о предстоящемъ 5-го открытіи Учр. Собранія. Никто не вѣритъ въ эту возможность, хотя солдаты (семеновцы, преображенцы и др.) уже открыто высказываются противъ большевиковъ и за Учр. Собраніе. Можетъ быть и схватка. Но организаціи нѣтъ, и потому все это можетъ потерпѣть крахъ и снова укрѣпить положеніе Смольнаго, укрѣпить не въ идейномъ, конечно, смыслѣ, а вооруженной силой...

Хорошо, что Шурѣ удалось передать мнѣ письма дѣвочекъ. Они такъ трогательно милы, эти письма, такъ занимательны, что доставляютъ огромное удовольствіе. Туся пишетъ, какъ говоритъ, живо и неровно. Рита сантиментальничаетъ и очень любитъ массу восклицательныхъ знаковъ, хорошо описываетъ и изображаетъ сценки. Аленушка пишетъ такъ серьезно и обстоятельно, что никогда не подумаешь, что ей 11 лѣтъ. Точно, ясно и просто она разсказываетъ всѣ свои дѣтскія забавы и занятія другихъ, какъ взрослая и съ трогательной деликатностью и наивностью ребенка. Сегодня ея два письма такъ хороши..... Съ ихъ письмами ко мнѣ въ камеру долетаютъ

ихъ смѣхъ, веселье и незатѣйливая, простая жизнь у дѣдушки. Но какъ однимъ словомъ Аленушка оттѣнила и ихъ грусть. Онѣ зажгли свою маленькую елочку и „не плясали вокругъ, а молча смотрѣли на нее и потушивъ свѣчи, разошлись“... Да, такъ и я смотрѣлъ, молча и долго смотрѣлъ на свою елочку, вспоминая прошлые счастливые дни. Бѣдныя дѣти, сколько недѣтскихъ мыслей и недѣтскаго горя приходится имъ выносить за послѣдніе мѣсяцы.

А сколько теперь такихъ дѣтей въ Россіи? А сколько еще болѣе одинокихъ, болѣе несчастныхъ и безпомощныхъ, чѣмъ онѣ, мои дѣвчурки...

Холодно въ моей камерѣ. Такъ холодно, что трудно писать. Стынутъ руки, паръ сгущается отъ дыханія, съ окна текутъ сырые потоки по стѣнѣ, и даже на полу отъ нихъ образуется лужица. Эти послѣднія ночи никакъ не могъ согрѣться даже подъ двумя одѣялами и сверху накинутымъ пальто. Если долго сидишь, то застываютъ и руки, и ноги, приходится бросать книгу и усиленно маршировать изъ угла въ уголъ. Утромъ вставать—это цѣлое испытаніе. Не скоро потомъ согрѣешься. Не то топить стали хуже, не то зима все больше и больше даетъ себя знать.

4 января.

Въ газетѣ „Правда“ по поводу покушенія на „Ленина“ напечатана кровожадная статья. Требуютъ „сто головъ“ за каждую голову „народныхъ вождей“. Какъ мнѣ кажется теперь и какъ казалось всегда, терроръ личный никогда ничего не достигаетъ. Если это дѣйствительное покушеніе, то можно ли убійствомъ Ленина или Троцкаго убить большевизмъ? Конечно, нѣтъ. Кромѣ того, само по себѣ это возмутительное и безнравственное средство не можетъ быть морально оправдано, оно практически нецѣлесообразно. Оно лишь подхлестнетъ упадающее настроеніе массъ. Поэтому приходится подозрѣвать, не подстроено ли это „покушеніе“ нарочно, съ цѣлью именно подогрѣть симпатіи. Возможны и такія комбинаціи. Говорятъ,

что среди нашего гарнизона будто бы было рѣшено въ случаѣ несчастья со Смольнымъ расправиться съ нами. Не знаю, вѣрно ли это. Что касается нашихъ сторожей, то у нихъ, помоему, скорѣе обратное настроеніе. Но, быть можетъ, въ крѣпости есть и иныя части.

Нашъ бастіонъ переполненъ. П. Сорокинъ и Аргуновъ посажены уже вдвоемъ, а въ камерѣ одна кровать. Сегодня, идя на прогулку, мы сквозь щель двери привѣтствовали ихъ. Теперь уже шесть членовъ Учредительнаго Собранія сидятъ въ Петропавловской крѣпости, а на завтра назначено его открытіе! Говорятъ, семеновцы и преображенцы хотятъ защищать его отъ красногвардейцевъ. Какъ бы не вышло безполезнаго кровопролитія.

Послѣ прогулки я не сразу могъ согрѣться въ моей камерѣ. Часовъ около 4 пришла комиссія для освидѣтельствованія моего здоровья — нѣсколько врачей. Еще утромъ мнѣ сказалъ сторожъ, что меня переведутъ въ больницу. Врачи говорятъ то же. Не знаю, лучше это или хуже. Переведутъ, говорятъ, и Кокошкина. Но какъ же съ Долгоруковымъ? Мнѣ все-таки несмотря на нездоровье, тяжело его оставлять здѣсь. Въ „Н. Жизни" напечатано, что будто бы даже освободить насъ хотятъ. Конечно, это пустяки. Но безъ Долгорукова я рѣшилъ не выходить изъ заключенія, если бы такое постановленіе было сдѣлано.

5 января.

Сегодня, когда на свиданіе пришла В. Д. и мы разговаривали, одинъ солдатъ вошелъ и, возмущенный, сказалъ: „Сейчасъ на демонстраціи убили солдатъ. Шли въ первомъ ряду и всѣ полегли"... Онъ былъ возмущенъ. Это онъ, между прочимъ, подписалъ протестъ отъ нашей караульной команды противъ предполагаемыхъ надъ нами самосудовъ. Лицо у него умное, доброе.

Наконецъ-то я увидѣлъ опять Сашу и Володю. Она бѣдняга вчера до 12 час. ночи сидѣла въ Смольномъ, пытаясь меня

перевести въ больницу, но ничего не могла сдѣлать. Тамъ боятся, что насъ изъ больницы легче освободятъ, какъ членовъ Учредительнаго Собранія. Говорятъ, переведутъ дня черезъ два. Но сегодня, воображаю, что творилось на улицахъ. Наша команда, видимо очень возмущена. Когда я шелъ гулять, сзади меня въ коридорѣ солдатъ сказалъ: „Честныхъ людей здѣсь держатъ, а негодяи"... дальше я не слыхалъ. Гуляли мы сегодня вмѣстѣ, всѣ члены Учредительнаго Собранія, т.-е. прибавились къ намъ Сорокинъ и Аргуновъ.

Послѣдующія событія излагаются сестрой Андрея Ивановича — Александрой Ивановной Шингаревой:

5-ое января было въ пятницу—день свиданій, и я поспѣшила съ Володей въ крѣпость; я уже не видѣла Андрея больше недѣли, съ 27 декабря.

Обычное ожиданіе въ бастіонѣ. Наступаетъ наша очередь—свиданіе въ кабинетѣ; кромѣ насъ еще нѣсколько человѣкъ сидятъ тамъ. Какъ всегда нетерпѣливо смотрю на дверь, и вотъ появляется его милое, оживленное сегодня, лицо съ блестящими глазами; торопливыми шагами входитъ онъ, и мы крѣпко цѣлуемъ другъ друга, любовно онъ смотритъ на Володю, и мы усаживаемся; и, какъ всегда, торопясь, отрывисто, стараясь разсказать какъ можно больше, мы разговариваемъ. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ прошли эти дни, какъ для нихъ непонятно было, почему ихъ лишили свиданія, имъ объяснили это пожаромъ въ крѣпости, а потомъ уже узнали истинную причину, говоритъ, что волновался за насъ; а мы съ Володей передали ему наши волненія, тревогу за нихъ всѣхъ, разсказываю ему о своихъ мытарствахъ, о томъ, что переводъ окончательно рѣшенъ, и онъ скоро уйдетъ изъ этихъ стѣнъ. Андрей также говоритъ о вчерашней комиссіи, о томъ, что ему команда передавала также, что его переведутъ, и вновь выражаетъ сомнѣніе, стоитъ ли это дѣлать, можно ли довѣрять красногвардейцамъ, не будутъ ли они очень стѣснять его въ больницѣ, спрашиваетъ, гдѣ они будутъ помѣщаться, не въ палатѣ ли вмѣстѣ съ нимъ. Говоритъ и о томъ, что привыкъ къ бастіону и командѣ, среди которой есть славные люди и даже нѣкоторые изъ нихъ ему говорили: „Мы слышали, что Вы переводитесь въ больницу. Зачѣмъ Вы это дѣлаете, вѣдь у насъ здѣсь хорошо, а тамъ будутъ красногвардейцы". Я его успокаиваю относительно больницы и говорю, что тамъ, конечно, ему будетъ лучше. Говоримъ затѣмъ о сегодняшнихъ событіяхъ, разстрѣлѣ демонстраціи, и въ его словахъ звучитъ боль и мука за все, что происходитъ, особенно чувствительно для него, что въ день открытія Учредительнаго Собранія онъ долженъ оставаться въ крѣ-

ности. Во время нашего разговора входятъ еще двое заключенныхъ, оба здороваются съ Андреемъ. Одинъ Н. Д. Авксентьевъ, другой— я сразу его не узнаю,—подходитъ къ А. И. и говоритъ—„Здравствуйте А. И... Какъ Вы себя чувствуете? Я слышалъ, что Вы нездоровы. Не надо ли Вамъ свѣчей? У меня ихъ много, я Вамъ могу прислать".—„Здравствуйте, благодарю Васъ, мнѣ ничего не надо", отвѣчаетъ Андрей—„Кто это?"—спрашиваю я съ недоумѣніемъ. „Это— Пуришкевичъ, его нельзя узнать, онъ весь бритый, и я самъ его сначала не узналъ". Невольно говорили о его процессѣ и приговорѣ. Говорили о его собственномъ будущемъ процессѣ, о томъ, что Штейнбергъ, просматривая дѣла ихъ, не нашелъ никакого матеріала для обвиненія, и возможно, что ихъ освободятъ безъ всякаго процесса. Время летитъ незамѣтно, и скоро намъ объявляютъ, что свиданіе кончено.

Нѣсколько прощальныхъ словъ, поцѣлуи, и онъ уходитъ въ сопровожденіи солдата.

Какое странное это послѣднее свиданіе въ крѣпости—въ одной комнатѣ — Авксентьевъ, Пуришкевичъ и Шингаревъ. Только самыя невѣроятныя обстоятельства могли заставить ихъ троихъ встрѣтиться въ Петропавловской крѣпости.

6-го утромъ звоню Штейнбергу—онъ назначаетъ мнѣ пріѣхать въ Комиссаріатъ Юстиціи къ 11 часамъ. Ѣду и тамъ встрѣчаюсь съ М. Ф. Кокошкиной. Она уже ждетъ также. Приходитъ Штейнбергъ, и мы получаемъ разрѣшеніе. Теперь надо получить подпись Козловскаго, такъ какъ изъ крѣпости выпускаютъ лишь по ордерамъ слѣдственной комиссіи, и все будетъ сдѣлано. Ѣдемъ съ вызваннымъ нами Н. Д. Соколовымъ въ слѣдственную комиссію. Соколовъ уходитъ къ Козловскому, довольно долго у него остается и, наконецъ, возвращается—ордеръ подписанъ. Сдѣлалъ это Козловскій, по его словамъ, очень не охотно, и ядовито при этомъ замѣтилъ: „Удивительно, всѣ министры сразу вдругъ заболѣли. Ну, я еще понимаю—Кокошкинъ,— онъ дѣйствительно больной человѣкъ, но Шингаревъ — совсѣмъ здоровъ".

Мы отправились въ крѣпость всѣ вмѣстѣ; у комиссара намъ не захотѣли дать пропуска въ бастіонъ, такъ какъ уже было около 3½ час. Комиссаръ грубо говорилъ, что время свиданій кончено, что и переводить сейчасъ поздно, да и намъ нечего дѣлать въ бастіонѣ. Наконецъ мы увидѣли завѣдующаго бастіономъ Куделько, и онъ сказалъ, что все сдѣлаетъ. Теперь надо было намъ достать извозчика и, кромѣ того, вызвать нарядъ красногвардейцевъ. М. Ф. поѣхала съ бумагой въ комиссаріатъ, а я вмѣстѣ съ Соколовымъ и Аксельродъ

пошли въ сопровожденіи Куделько въ бастіонъ; за эти дни ни разу не встрѣчался мнѣ Павловъ; и вдругъ гдѣ-то промелькнуло его лицо; сердце какъ-то сжалось.

Въ бастіонѣ мы прошли въ канцелярію при слабомъ свѣтѣ керосиновой лампочки. Куделько послалъ сказать заключеннымъ, чтобы они собирали свои вещи; а мы ждали съ трепетомъ ихъ появленія. Первымъ пришелъ С. А. Смирновъ — вещи у него были уже сложены. Затѣмъ появился Ф. Ф. Кокошкинъ. Я бросилась къ нему навстрѣчу — онъ уже въ пальто, въ шапкѣ; сказала ему, что М. Ф. поѣхала въ комиссаріатъ, и намъ придется ждать прибытія наряда красногвардейцевъ. Ф. Ф., радостно взволнованный, сказалъ, что онъ уже думалъ, что сегодня ихъ не переведутъ, и онъ очень радъ, что переводъ состоялся.—„Я чувствую, мнѣ пора въ больницу; вначалѣ было ничего, а сейчасъ я совсѣмъ расклеился и съ кишечникомъ плохо и по вечерамъ температура повышена, въ общемъ чувствую себя скверно". Скоро пришелъ Карташевъ. Блѣдный, съ землистымъ цвѣтомъ лица, худой. Мы всѣхъ встрѣчали съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, передать которое трудно. А Андрея все не было.—„Почему онъ такъ долго, предупредили ли его?". „Вѣроятно, вещи складываетъ. Сейчасъ я пошлю снова за нимъ", — отвѣчаетъ Куделько.

Наконецъ, дверь открывается, и входитъ Андрей въ сопровожденіи солдата съ вещами; онъ въ пальто, тяжело дышитъ, спѣшилъ, волновался, быстро прошелъ коридоръ—и у него одышка. Лицо взволнованное, смущенное. Крѣпко обнимаемся—онъ точно не вѣритъ, что черезъ нѣсколько минутъ мы уйдемъ отсюда. Дружески, горячо здоровается съ остальными; формальности еще не закончены. Андрей съ Карташевымъ и Кокошкинымъ оживленно разговариваютъ. Я не помню всей ихъ бесѣды—они быстро перешли къ злобѣ дня — Учредительному Собранію; я же говорила въ это время съ командой.

Наконецъ, можно уходить. Сперва двигаются въ путь Смирновъ и Карташевъ въ лѣчебницу Герзони — ихъ сопровождаетъ солдатъ изъ крѣпости и тамъ сдастъ караулу; а мы еще ждемъ прихода красной гвардіи, которая насъ доставитъ въ больницу. Уже около 6 час. вечера. Мы, забравъ вещи, простившись съ караульной командой, выходимъ изъ бастіона; электричество не горитъ, и мы при свѣтѣ маленькой лампы спускаемся по лѣстницѣ. На дворѣ метель, вьюга, сугробы снѣга. Андрей тащитъ что-то изъ своихъ вещей, и я чувствую, какъ ему тяжело идти. Кромѣ того, онъ въ валенкахъ, а они у него худые, и я безпокоюсь, что онъ промочитъ себѣ ноги. У комиссаріата останавливаемся, при слабомъ свѣтѣ ручного фонаря укладываемъ вещи на извозчиковъ и дожидаемся красногвардейцевъ, чтобы

рѣшить, какъ намъ сѣсть. Изъ комиссаріата выходятъ, наконецъ, они, и чей-то грубый голосъ говоритъ: „Ну, что же мы пѣшкомъ пойдемъ, что-ли? или въ трамваѣ, такъ и они съ нами тоже!"—„Успокойтесь, для всѣхъ хватитъ мѣста на извозчикахъ", говорю имъ я.—„Сюда, сюда садитесь, вмѣстѣ съ заключенными", грубо кто-то командуетъ.

Красногвардейцевъ пять человѣкъ—одинъ изъ нихъ въ солдатской формѣ; одинъ молодой, лѣтъ 18—19, что-то въ родѣ старшаго, всѣ вооружены. У насъ пять извозчиковъ, и мы разсаживаемся на нихъ— Андрей Ивановичъ и Федоръ Федоровичъ на двухъ извозчикахъ въ сопровожденіи красногвардейцевъ; на третьемъ извозчикѣ—два красногвардейца; на четвертомъ—Соколовъ, на пятомъ—М. Ф., я и еще одинъ красногвардеецъ—ихъ старшій. Соколовъ ѣдетъ прямо домой, не заѣзжая въ больницу, мы ѣдемъ впереди нашего отряда, затѣмъ А. И. и Ф. Ф., а замыкаютъ нашъ поѣздъ два красногвардейца. Пронизывающій вѣтеръ и снѣгъ, особенно черезъ мостъ. Мы показываемъ дорогу и, наконецъ, мы въ больницѣ. Входимъ всѣ толпой въ небольшую прихожую; я прошу швейцара позвать надзирательницу, и мы всѣ стоимъ нѣкоторое время внизу. У А. И. и Ф. Ф. видъ немного оглушенный и отъ сутолоки переѣзда, и отъ новой незнакомой обстановки — присутствія красной гвардіи. Приходитъ надзирательница, и мы поднимаемся наверхъ въ 3-й этажъ, показываемъ комнаты. А. И. направляется въ № 24. Ф. Ф.—въ № 27. У Андрея снова одышка, онъ совсѣмъ запыхался, войдя на лѣстницу, смущенно, растерянно оглядывается кругомъ. Усаживаю его на стулъ, помогаю раздѣться, а главное—снять валенки, дырявые, и надѣть сухія туфли; съ трудомъ переводя дыханіе, наклоняется Андрей, снимая валенки, и я съ острой болью вижу, какъ ему это тяжело и какъ навѣрное подвинулся впередъ за эти полтора мѣсяца его сердечный процессъ. Красная гвардія толпится въ коридорѣ и также не знаетъ, что дѣлать; при яркомъ свѣтѣ видно ,что они вооружены съ головы до ногъ; винтовка, патроны, револьверы, ручныя гранаты—вижу это мелькомъ. Старшій безпокоится, кому передать заключенныхъ; посылаю его съ сидѣлкой къ дежурному врачу; тотъ приходитъ, всѣ формальности закончены, и я уже больше не обращаю на нихъ вниманія.

Андрей, снявъ верхнее платье, валенки, въ мягкихъ туфляхъ сидитъ и съ болѣе спокойнымъ выраженіемъ осматривается кругомъ—въ комнатѣ тепло, уютно, и онъ прежде всего говоритъ: „Ахъ, какъ здѣсь тепло, хорошо, наконецъ-то я согрѣюсь. Тамъ было такъ невыносимо холодно; я никогда не могъ согрѣться". Мы долго смотрѣли другъ на друга, и не вѣрилось какъ-то, что это уже не бастіонъ, не Петропавловская крѣпость, а тихая палата Маріинской больницы.—„Тебѣ

нравится здѣсь? Вѣдь обстановка очень простая; можетъ быть, у Герзони было лучше". „О послѣ крѣпости здѣсь такъ хорошо, тепло, развѣ можно сравнивать; а относительно Герзони я не жалѣю, я вѣдь не люблю частныхъ лѣчебницъ, ихъ роскоши, здѣсь я чувствую себя хорошо". И мы начинаемъ говорить о крѣпости, и здѣсь впервые я слышу отъ него жуткій разсказъ о томъ, какъ онъ страдалъ тамъ и физически, и нравственно; на свиданіяхъ онъ старался быть бодрымъ, тамъ его постоянно стѣсняло присутствіе караульныхъ, времени было мало, и онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя хорошо. И только теперь тихимъ голосомъ, какъ бы стыдясь своей слабости, онъ разсказалъ, какъ онъ рыдалъ цѣлыми днями, не въ силахъ удержаться отъ слезъ, какъ въ одиночествѣ онъ пережилъ вновь свое послѣднее горе—утрату жены, какъ онъ грустилъ о дѣтяхъ; разсказалъ, какъ въ камерѣ было холодно, и онъ не согрѣвался ни днемъ, ни ночью. Онъ лежалъ, накрывшись двумя одѣялами, пальто и все же не могъ спать отъ холода, пронизывавшаго его насквозь. А днемъ даже ходьба по камерѣ мало согрѣвала, и движеніе холоднаго воздуха при ходьбѣ было очень непріятно; было только одно мѣсто въ углу у стѣны, куда выходила, повидимому, печка, гдѣ было чуть теплѣе, и онъ становился въ этотъ уголъ и тамъ, какъ онъ выразился, „устраивалъ бѣгъ на мѣстѣ", чтобы хоть немного согрѣться. И ко всему этому онъ показалъ мнѣ свои руки, всѣ пальцы были озноблены, покрыты красными припухлостями. И слезы навертывались невольно на глаза, слушая все это.

Къ намъ зашла надзирательница. А. И. оживленно съ ней заговорилъ и снова повторилъ нѣсколько разъ, что здѣсь онъ, наконецъ, согрѣлся, разсказалъ, что въ камерѣ были клопы, и удивлялся, какъ они могли тамъ жить. Я предложила Андрею разобрать вещи и выпить чаю; сидѣлка дала намъ кипятокъ; Андрей самъ досталъ свои съѣстные припасы, и я съ удивленіемъ увидѣла, что онъ почти ничего не скушалъ изъ того, что я ему приносила. „Скучно ѣсть одному, мнѣ совсѣмъ не хотѣлось", и сталъ самъ хлопотать у стола, заварилъ чай, досталъ сыръ, масло, икру, хлѣбъ, конфекты, все разложилъ на столъ. „Ну, вотъ сегодня въ первый разъ я снова буду ѣсть по-человѣчески; вѣдь тамъ у меня не было ни вилки, ни ножа; сегодня я тебя буду угощать и самъ съ тобой выпью съ удовольствіемъ чаю; вѣдь въ это время тамъ, въ крѣпости, я бы не сталъ ничего ѣсть; тамъ въ 5 час. приносятъ кипятокъ, запираютъ дверь, и жизнь совершенно замираетъ до утра".

И онъ заботливо наливалъ мнѣ чай и дѣлалъ бутерброды съ сыромъ, безпокоясь за меня, что я съ утра ничего не ѣла. „Знаешь,

надо отнести Ф. Ф. бутербродъ съ икрой", сказалъ Андрей, и я съ бутербродомъ направилась къ Кокошкину. Мы мирно бесѣдовали теперь съ Андреемъ, онъ сталъ говорить о дѣтяхъ, главнымъ образомъ о Володѣ, о томъ, что онъ будетъ дѣлать, когда кончится война, будетъ ли продолжать заниматься въ Политехникумѣ, или, можетъ быть, поступитъ въ Университетъ на естественный факультетъ; послѣднее для него было бы очень пріятно и желательно.

Нашу бесѣду прервалъ вошедшій красногвардеецъ-солдатъ, который спросилъ меня—долго ли я здѣсь останусь, и когда я ему отвѣтила, что скоро уйду, допью только чай, то онъ еще добавилъ: „Да вотъ съ васъ надо еще деньги получить за извозчика, я ѣздилъ за смѣной на извозчикѣ туда и обратно по 10 рублей".—„Хорошо, я вамъ сейчасъ отдамъ деньги", сказала я; у Андрея сразу померкло лицо, при видѣ этого солдата, и особенно его непріятно поразили слова о деньгахъ; ему раньше говорили, что ихъ можно купить и продать за деньги, но онъ не хотѣлъ вѣрить, а здѣсь самъ красногвардеецъ приходитъ и подъ первымъ попавшимся предлогомъ проситъ денегъ. Я вышла въ коридоръ (Мар. Фил. ушла еще раньше, чтобы у красногвардейцевъ не было основаній, какъ она сказала, упрекать насъ въ нарушеніи правилъ), тамъ стояла группа ихъ, дожидаясь меня; я дала солдату 20 рублей, и въ этотъ моментъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „Ну, вотъ давно бы такъ!" Я какъ-то невольно запомнила эти слова. Затѣмъ я спросила, какъ будетъ со свиданіями завтра. Онъ спросилъ, есть ли у меня пропускъ. „Да, у меня постоянный". — „Ну, завтра условимся, придете къ часу, къ двумъ, а теперь до свиданія, мы уходимъ, а вотъ остаются двое". И онъ показалъ на двоихъ красногвардейцевъ, совсѣмъ юныхъ лѣтъ 16 — 18, которые направились по коридору къ лѣстницѣ и сѣли на диванъ. — „Вы винтовки-то куда-нибудь въ уголокъ поставьте, чтобы онѣ не мѣшали", сказалъ онъ мальчикамъ. Я тоже подтвердила это, добавивъ, что ужъ очень они могутъ больныхъ испугать, особенно одну старушку-больную.

Они ушли, и остались два мальчика. Я возвратилась къ Андрею, мы еще поболтали немного; пришла сестра, спросила, не нужно ли что-нибудь, предложила измѣрить температуру, но Андрей, добродушно улыбаясь, отказался, говоря, что все это начнетъ съ завтрашняго дня, а сегодня онъ только съ удовольствіемъ заснетъ на мягкой постели. Сестра ушла. Мы заговорили о болѣзни, о врачахъ; я предложила пригласить на консультацію А. К. Педенко; Андрей согласился. — „Знаешь, правда, надо будетъ полѣчиться; ужъ разъ я попалъ въ больницу, надо использовать время; конечно, если бы меня выпу-

стили, я бы сразу началъ работать, некогда было бы лѣчиться, а теперь поневолѣ попью іодъ и еще что-нибудь".

Мы условились, что я приду завтра къ часу дня и постараюсь завтра же устроить консультацію. Пора было уходить, уже около $8^1/_2$ часовъ. Хотя такъ не хотѣлось оставлять вновь его одного; за эти два съ половиной часа онъ какъ бы пришелъ въ себя, пригрѣлся, настроеніе стало совсѣмъ другое. Я стала собирать свои вещи. Онъ снова самъ завернулъ въ бумагу, завязалъ пакетъ. Собирая вещи, я нашла коробку съ нѣсколькими плитками шоколада—почти весь шоколадъ, что я и другіе ему приносили, оказался нетронутымъ. — „Почему ты не кушалъ шоколадъ? Развѣ ты его не любишь?" — „Нѣтъ, это я оставилъ дѣвочкамъ, собираю для нихъ; я вѣдь не люблю сладкаго, а имъ это доставитъ удовольствіе. Ты мнѣ говорила, что кто-то, кажется, Юрьева хотѣла ѣхать въ Воронежъ, я и думалъ съ ней переслать дѣвочкамъ". Я была тронута до слезъ этимъ знакомъ трогательной любви и заботливости. Мы простились, онъ крѣпко, крѣпко обнялъ меня и тихо прошепталъ: „Спасибо", проводилъ меня по коридору до лѣстницы, гдѣ на диванѣ сидѣли мальчики красногвардейцы и улыбались. Я еще разъ его поцѣловала и съ тихой радостью въ душѣ, что сегодня онъ заснетъ не въ камерѣ на желѣзной койкѣ, а на удобной постели въ теплой комнатѣ и отдохнетъ хотя немного отъ своихъ страданій, ушла домой, ничего не подозрѣвая, спокойная.

Въ 10 часовъ у него былъ старшій врачъ Г. А. Свіяжениновъ; онъ засталъ А. И. за чтеніемъ „Трехъ мушкетеровъ" Дюма въ „благодушномъ", какъ онъ выразился, настроеніи.

Онъ побесѣдовалъ съ А. И., при чемъ разговоръ шелъ преимущественно о дѣтяхъ, относительно которыхъ Андрей очень безпокоился. Затѣмъ Свіяжениновъ ушелъ. Часовъ около 12-ти А. И. раздѣлся, переодѣлся въ больничное бѣлье и легъ спать, потушивъ огонь.

А въ половинѣ перваго пришли „они" и убили его. Пришли подъ предводительствомъ солдата Басова, который бралъ у меня деньги, сказалъ, что идетъ смѣнить караулъ. Солдатъ Басовъ потребовалъ у сидѣлки лампу. Часть матросовъ осталась на лѣстницѣ, а другіе пошли въ комнату Андрея Ивановича и тамъ, когда Басовъ свѣтилъ, его убили тремя выстрѣлами въ лицо, грудь и животъ. Затѣмъ пошли въ комнату Кокошкина, убили того и сейчасъ же ушли. Внизу швейцару сказали, что смѣнили караулъ, и ушли. Растерявшіяся сидѣлки отъ страха не знали, что дѣлать. Проснувшіеся больные подняли тревогу.

Кто-то побѣжалъ внизъ, сказалъ швейцару. Пришелъ дежурный врачъ. Кокошкинъ былъ мертвъ. Андрей Ивановичъ еще жилъ, былъ въ сознаніи; просилъ не дѣлать перевязки, впрыснуть морфій и говорилъ: „Дѣти! Несчастныя дѣти!“ Пульса почти не было. Часа черезъ полтора онъ умеръ, уже безъ сознанія.

Ночью всѣ телефоны въ больницѣ не дѣйствовали и извѣстить никого о происшедшемъ изъ больницы не могли. Только утромъ, около 9 часовъ, дали знать на квартиру Паниной.

Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.